

ПОЭТЫ БАЛКАРИИ

СТИХИ

ПЕРЕВОД С БАЛКАРСКОГО

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1958

Составили С. Макитов и К. Отаров

Кязим Мечиев

ЖАЛОБА ГОРЯНКИ

Мой милый был беден, а бедность
Для многих — страшнее всего...
И выдать меня отказались
Родные мои за него.

Нет солнца — и горы мрачнеют.
Есть солнце — светлеют опять...
Но людям, чье сердце как камень,
Любви и тоски не понять.

Мой юный! Ты где? Что мне делать?
Живу, свои годы кляня...
Седому и дряхлому в жены
Родные отдали меня.

Лились мои слезы напрасно.
До этого ль было родным?
Как скот продают на базарах,
Продали меня за калым.

Я мужу была лишь рабыней.
Хоть все меня звали — жена.

Коль птица посажена в клетку,
Мечтает о воле она.

Я солнца не видела вовсе.
Несчастливым не светит оно...
Жила я. В глазах моих было
И в полдень, и в полночь — темно...

А сердце рвалось, не хотело
С нелюбым дожить свои дни,
Но люди не слышали жалоб,
Как камни, молчали они.

Пощечина мужа-тирана
Под утро будила меня...
Я вечно слезами встречала
Начало встающего дня.

Была я рабыней покорной,
Была безответной, немой.
За что же всегда издевался
Мой деспот седой надо мной?

Так годы мои пролетели,
В слезах и тоске запропав...
Продали меня и купили,
К скотине тупой приравняв.

Пусть девушки наши не знают,
Что значит такая беда.
Пусть девушки наши не будут
Так горестно жить никогда.

Я жизнь провела безотрадно —
Рабынею в доме чужом.
А тот, кто мне мужем считался,
Был злобным моим палачом.

О матери! Не разлучайте
С любимыми дочек своих...
Ведь птицы скучают о воле
В темницах и клетках любых.

Вы жизнь своим детям даете,
Нельзя же той жизнью играть...
Зачем вашим детям богатство,
Коль счастье у них отобрать?

А юным горянкам совет мой:
Чтоб были счастливыми дни,
Всегда выходите за милых,
Не спрашиваясь у родни.

ВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

Тот, кто станет героем-бойцом,
Тот и в детстве слывет храбрым.

Если женщина нравом дурна,
То и сплетничать любит она.

Ввысь орел устремляет полет,
А подлец извивается, врет.

А плохая хозяйка и мать
По утрам любит позже вставать.

Но болтать никогда ей не лень,
И звенит болтовней ее день.

Ну, а склочник — пустой человек,
Он лишь только клеветает на всех.

Вся в навозе — дурная овца.
В вечном страхе — душа подлеца.

В разговорах цветут — болтуны,
Ну, а трус — не опора страны.

1901

ХОРОШЕЕ СЛОВО

Хорошего слова не срежет клинок.
И буря вовек не собьет его с ног.
В огне не сгорит оно, как мотылек...
Сравнить его с чем-нибудь вряд ли б я смог.

Что жизнь без хорошего слова? Она,
Как пища без соли, — скучна и бедна.
Способность владеть этим словом дана
Лишь тем, в ком душа широка и юна.

В нем силу свою проявляет народ.
Оно смертный саван насильникам шьет.
Оно — дело тех, кто правдиво живет.
Оно, словно хлыст, по бессовестным бьет.

Врагов не обходит оно стороной.
И в князя вонзается саблей стальной.
А бедным и слабым в их участи злой
Защитником служит, опорой живой.

Пусть пуля остынет, закончив полет,
Пусть высохнет где-то река и умрет.
А слово не сохнет, не может остыть,
Плотиной пути его не перекрыть.

Хорошее слово — и песня и быль,
Весь мир без него я не так бы любил.
Он был бы тесней, и бедней, и темней...
Хорошее слово — свет ясных путей.

Оно в твоём доме — огонь очага,
Оно защищает тебя от врага.

Хорошее слово — горенье твоё.
Оно каждый день — утешенье твоё,
Опора твоё, вдохновенье твоё,
Твой меч, твой кинжал и служенье твоё.

То слово — твой спутник. Двойник оно твой.
В тяжёлые дни оно рядом с тобой.
Когда же ты будешь за смертной чертой,
Оно на земле не исчезнет с тобой.

И песен своих не уступит Кязим
Коварным насильникам, подлым и злым.
От правды, от совести неотделим,
Страдающим служит он — словом своим.

1905

1914 ГОД

Мир в бойню вступил сегодня.
Царям на земле свободней:
По их приказам холодным
Голодный воюет с голодным.

Сынов забирает дорога.
Глядят наши матери строго.
И давит нас бремя налога,
В сердцах — и тоска и тревога.

Нет в мире ни мира, ни воли,
Нет счастья ни дома, ни в поле.
И стонут народы от боли,
От горькой, нерадостной доли.

Хочу всем солдатам сказать я:
— Вы, немцы и русские, братья...
Зачем же опять и опять я
Взаимные слышу проклятья?

Настало тяжелое время,
Несчастья несущее время,
Слезами грозящее время,
И в траур одетое время.

Зачем мы друг в друга стреляем,
За что свою кровь проливаем?
Мы все матерей прославляем —
Война эта разве нужна им?

Отцы же — хоть жизнью рискуют, —
Но бойню ругают такую...
О мире весь мир тоскует...
Зачем же весь мир воюет?

Смерть зёрна гибели сеет,
Но жизнь устоять сумеет,
Но в сердце надежда зреет:
Когда-нибудь все прозреют.

1914

ПЕСНЯ О СОЛТАН-ХАМИДЕ¹

Он Кирову был товарищ,
Был верен во всем народу,
Ни сил не жалел, ни жизни
В борьбе за его свободу.

Был горным орлом бесстрашным,
И люди его любили,
Но ненавистью горели
К Хамиду храброму бии².

Коня обагрив своей кровью,
Свалился он под копыта.
И ливень горячий хлынул
В тот час, когда был убит он.

Он больше уже не встанет,
С врагами не будет бороться,
Солтан-Хамид, собеседник
Кирова — полководца.

Не будет скакать с отрядом,
Веселый, по полю боя...
Недаром примчался в горы
Конь статный в крови героя.

¹ Солтан-Хамид Калабеков — герой гражданской войны на Кавказе, соратник С. М. Кирова.

² Б и и — князя.

С коня вспотевшего пуля
Сбила его навеки.
Любимый брат его Киров
Сам закрывал ему веки.

Своей накрывал его буркой,
Простой одеждой солдата.
И в гроб положил его тело
Своими руками брата.

Солтан-Хамид — наша гордость...
В горах навсегда знаменит он...
Пусть будет просторной, мягкой
Могила, в которой спит он.

Ты в битвах Ленина знамя
Повсюду носил с собою...
Пусть горы скорбят о потере
Любимого сына-героя.

Был ленинцем ты, и горцем,
И правды нашей солдатом...
Не зря полководец Киров
Всегда называл тебя братом.

Герой умирает. Геройство
В народе жить остается...
Вот почему Кязиму
Легко о тебе поется,

СЫНУ¹

Пишу, а сердце жжет огнем,
Как будто жаркий уголь в нем...
И как мне вымолвить: «Убит»,
Мой сын, мой мальчик, мой джигит.

Густой туман на землю лег.
А утром — горе на порог.
В бою за жизнь, за радость дня,
Мой мальчик, ты упал с коня.

Ты с радостью ушел в отряд...
И храбро дрался, говорят...
Врагов немало ты на штык
В сраженьях поднял, большевик.

Победу празднует народ.
Он веселится и поет...
Тебе ж на праздник нет пути...
Твоей могилы не найти...

За этот день ушел ты в бой,
Боролся, жертвуя собой.
Ты шел туда, где смерть и гром.
И не вернулся в отчий дом.

Ты мертв... Рыдает мать, скорбя...
И помнит весь аул тебя.

¹ Старший сын поэта — Магомед — был красным партизаном, геройски погиб в бою с белыми.

Ты мертв, ты умер, как герой,
И я, мой сын, горжусь тобой.

Вовек нас горе не согнет.
В нас прочно мужество живет.
Ты долг свой выполнил, сынок,
Отдав народу все, что мог...

1919

СЛОВО О ЛЕНИНЕ

Хочу, чтоб мое это слово
Звучало все шире и шире,
Пусть знают, кем был наш Ленин
Для всех угнетенных в мире.

Он с детства стремился к знаниям,
И, знаний сумев добиться,
Он увидал, что законы
Служат одним кровопийцам.

Что жизнь народа темнее
Ночей, тесней, чем темница,
Что радость — вся для богатых,
А бедным она лишь снится.

Что трудно дышать под тяжелой
Пятой богачей проклятых,
Что царь не отец народу,
А только слуга богатых.

И Ленин решил уничтожить
Законы, что мощью всею
Право давали баям
Сидеть на мужицкой шее.

И Ленин решил воедино
Под знамя собрать миллионы,
Чтоб выбросить сразу из жизни
Царя и его законы.

И он направился к людям,
Полный любви и страсти,
Чтоб словом глубокой правды
Будить в них желанье счастья.

За эту простую правду
Страдал и терпел он много.
Легла сквозь тюрьму и ссылку
Его прямая дорога.

Скрываясь от царских ищеек,
В подполье провел он годы,
Чтоб от царей и от баев
Навек избавить народы.

И вот рабочий поднялся,
В подсумок набил патроны
И вместе с крестьянином бедным
Согнал Романовых с трона.

Над пеплом старого мира
Счастья заря заалела...
В ней — мудрость Ленина светит,
В ней — ленинской партии дело.

Ворота к счастью широко
Открыты теперь для народа.
Советская власть защищает
И счастье его и свободу.

Он умер, великий Ленин...
Его мы вовек не забудем.

Послушайте, люди, Кязима,
Кязим обращается к людям:

Заветам Ленина верьте,
Старайтесь с пути не сбиться,
Не опирайтесь на камень,
Который может свалиться.

Ленин — утес нерушимый,
Ленинцы — лучшие люди...
Пусть партия Ленина вечно
Нам твердой опорой будет.

Смерть Ленина нас не сломит.
Хочу повторить опять я:
Ленин и разум — братья,
Ленин и мужество — братья.

1924

А Б О Н Е М Е Н Т

ТАНЦОРАМ

Танцоры мои! Веселей! Веселей!
Пусть дни ваши будут светлей и светлей!
В искусстве должны вы достигнуть вершин.
Станцуем же вместе мы, все, как один.

А девушки в танце тихи и смелы
И парни стремительны, словно орлы.
Здесь радость и счастье. Пусть грусть
и беда
Не замутят ваших глаз никогда.

И вот возле вас я счастливый стою
И всем вам за танец хвалу воздаю,
В нем счастье, огонь, нерастраченность
сил...
Я, глядя на вас, эти строки сложил.

А мы в молодые такие года
На пастбища байские гнали стада.
Всем баи владели: землей и водой.
У них только были и танцы и той¹...

Но танцы теперь не у баев — у нас,
Одежда и пища любая — у нас...
И песня любая — все нынче у нас...
Дружны все народы, как братья, сейчас.

¹ Той — пир.

А девушки в танце тихи и смелы
И парни стремительны, словно орлы.
Что ж! Юности вечной и счастья, друзья,
Желаю сегодня вам радостно я!

1938

СМЕРТЬ ПРИДЕТ

Смерть-старуха ко мне, как за данью, придет
И мой пес не отгонит ее от ворот.
Смерть-старуха ко мне подберется, как враг,
Но спасти меня сын не сумеет никак.

Навсегда меня смерть уведет за собой,
В те края, где и свет не забрезжит дневной.
Только я из стихов своих крепость сложил.
Смерть не сроеет ее, не достанет ей сил.

Смерть приходит, к себе человека берет.
Человек же ей тело одно отдает...
А что сделано им — остается навек.
Ведь хозяин вселенной не смерть — человек.

1940

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Приезжай ко мне, ты мой увидишь дом.
Мы с тобою вместе в кузницу¹ пойдём.
В ней стихи я сочиняю много лет...
Не завел еще, как ты, я кабинет.

К перевалу поднялись бы мы тогда,
Ведь поэта вечно тянет высота...
Ну а тот, в ком этой тяги вовсе нет,
Кто к высотам не стремится — не поэт.

Кровь и сердце никому не разделить.
Друг без друга им и часа не прожить.
Так едины стих поэта и душа,
Друг без друга не живя и не дыша.

А поэт поэту брат с давнишних лет.
Тот, кто этого не знает, — не поэт.
Я пишу, кую, потом пишу опять...
Я хоть стар, но вас надеюсь обогнать.

Эту шутку во вниманье не бери,
Что, мол, тронулся старик — не говори.
А без шуток пусть живут одни враги,
Пусть все время скука сушит их мозги.

¹ Поэт до глубокой старости работал кузнецом.

Освещают дом веселые слова,
Жизнь от них всегда светла, ярка, нова.
Приезжай гостить в аул ко мне. Я жду.
Я тогда тебе стихи свои прочту.

1940

КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Ты услышал, что здесь барашки подросли,
И вот пришел ко мне, изъездив полземли.
Вот плов, а вот буза, что брызжет через край.
Будь гостем, ешь и пей. И мне стихи читай.

Ты, молодец, — мою корову подоил,
Напился молока, что прибавляет сил.
И книгу мне свою в ответ вручил затем.
Подарок ценный твой я не сравню ни с чем.

Я стар. Года не те... Не те мои дела...
В моих стихах давно уж юность отцвела.
Но до сих пор люблю я стих певучий тот,
В котором юность нам по-юному поет.

1940

Сагид Шахмулдаев

СЛОВО СОЛДАТА

(Песня солдата — участника русско-японской войны 1904—1905 гг.)

Петербург на всю страну
Тянет песенку одну:
— Собирайтесь в путь, солдаты,
Отправляйтесь на войну!
В предрассветный тихий час
В Порт-Артур пригнали нас,
Есть — не надо, спать — не надо,
Слушай воинский приказ.
Заряжай — приказ таков —
И стреляй без лишних слов.
А попы и генералы
Все решат за мужиков.
Под горою берег крут,
А с горы японцы бьют.
Хочешь смерти — прыгай в воду,
А не хочешь — гибни тут.
Погляжу я на солдат,
А солдаты прячут взгляд,
Чистят шомполами ружья
И молчат, молчат, молчат...
Эх, тяжелое ружье,
Невеселое житье.

Вспомню мать — и дрогнет сердце,
Сердце юное мое.
На Тихтенги тает лед,
Черным дням теряю счет.
Плачет девушка в Чегеме,
Днем и ночью друга ждет.
Долго девушке тужить,
Долго бедной ворожить.
Да не легче нам, солдатам,
Палачу-царю служить.

1925

О ГОРЫ МОИ, НЕЗАБВЕННЫЕ ГОРЫ...

О горы мои, незабвенные горы,
Веселая память о юных годах!
Крутые вершины, лесистые склоны
И блики лучей на натающих льдах.
Веками, с любовью, от моря до моря,
Над вами трудился искусный резец,
Но острые скалы не стали преградой
Для братских народов и близких сердец.
Привольно раскинулись пастбища ваши,
И горные козы приходят сюда,
А рядом, в ложбине, на травах росистых
Спокойно пасутся олени стада.
Красавицы горы! Из лучшего шелка
На радость вам соткан чудесный наряд,
Под солнцем весенним на белых подолах
Узоры зеленые нежно горят.
От первых толчков остывавшей планеты,
От первого часа рожденья Земли
Веками копили вы это богатство,
Веками его от людей берегли.
Но время настало, и люди узнали,
Что камень — добротен и дорог металл,
Что каждый, воды животворной отведав,
Великую силу в себе обретал.
Под самые тучи уходят вершины,
И льды серебром отливают вдали,
Но смело сюда поднимаются люди,
Бесстрашные люди Советской земли.
Орлы, не достигнув крутых перевалов,

На скалах седых обрывают полет,
Но с песней веселой колхозное стадо
В заоблачных высях пастух стережет.
Прекрасны вершины, одетые снегом,
Облитые солнечным светом хребты,
И сочные травы, и чащи лесные,
И майские радужные цветы, —
Но трижды прекрасней отважные люди,
Которых ни ветер, ни гром не пугал,
Которые с песней штурмуют вершины
И, скалы круша, добывают металл.
Упрямые люди, не знавшие страха,
С улыбкой глядевшие в небеса, —
Вот самое ценное ваше богатство
И самая гордая ваша краса!
О горы мои, незабвенные горы,
Волшебная песня, сияние дня!
О чем бы ни думал, куда бы ни шел я,
Вы были со мною, вы звали меня,
Тревожили сердце и снились ночами,
И я, просыпаясь, вздыхал тяжело:
Я видел крутую тропу, по которой
Мое босоное детство прошло;
Я слышал, как рядом грохочут обвалы,
Как с ревом в ущелье несется река,
Я слышал задумчивый шелест деревьев,
И посвист ветров, и рожок пастушка.
О горы мои, незабвенные горы!
Я пожил не даром, — пусть слаб я и сед, —
Я молод душой, и для внуков счастливых
Стихи я слагаю на старости лет.
Хочу я, чтоб знали они, как в неволе

Томились когда-то родные края,
И были печальны прекрасные горы,
Печальны и строги, как юность моя,
И пусть они партии скажут спасибо
За все, что дала им советская власть,
За то, что их доблесть расправила крылья
И выше заснеженных гор поднялась!

1925

МИНГИ-ТАУ¹

Спокоен ты, седоволос и горд,
Великий старец гор, Минги-тау!
Ты, как верблюд кочующий, двугорб,
Раздумчив твой простор, Минги-тау!

Стоишь ты все, опрятный старец мой,
В черкеске белой испокон веков;
Повязываешь голову чалмой
Из белоснежных чистых облаков.

На землю нашу с вечной высоты,
Как на свое владенье, смотришь ты.
Зовут тебя в народе с давних пор
Отцом великого семейства гор.

Издравле ты стоял, высок и бел,
Описан мудрецами разных стран.
Никто взобраться на тебя не смел,
Так недоступен был ты, великан.

Легенды о тебе дошли до нас
Из глубины неведомых веков.
Нам говорили, что пророк Ильяс
Пил воду здесь из горных родников.

Потом, когда потоп великий был,
Ты, старец гор, над морем стал, высок.
Корабль пророка Нуха мимо плыл,
Рассек вершину кораблем пророк.

¹ Минги-тау — Эльбрус.

Здесь чудо-птица в древние века
Жила одна, пила из родника.
С тех пор она повсюду гнезда вьет,
Всегда о гордом мужестве поет.

Веками ты стоишь, Минги-тау,
Оглядывая землю с высоты;
Легенды ты таишь, Минги-тау,
Так много видел, все запомнил ты!

Кубань течет на запад сквозь туман,
Шумит, рокошет о твоей судьбе;
И Малка, и сосед ее Баксан,
Несут на Каспий вести о тебе.

В степях, где замирает водный гром,
Твои посланцы блещут серебром;
Журчат, галоп свой бешеный сменив
На мирное течение, между нив.

Так протекали реки сквозь века,
Не оросив сухих земель пласты.
Не разрешала мощная река
Бессильным людям возводить мосты.

Уменьем, знаньем надо обладать,
Чтоб скакунов твоих лихих взнуздать;
Но в царстве гнета только стон людской
Стоял во тьме над бешеной рекой.

Твои посланцы людям тех времен
Не помогли бороться с нищетой;

И было слово «счастье» для племён
Мечтой манящей, сказкой золотой.

Но революции громовый год
Сверкнул огнем, взрывая тьму и гнет;
И люди славной северной земли
К тебе молву о счастье принесли.

Была правдивой, радостной молва.
Сказал великий Ленин, друг страны:
— У всех народов есть свои права,
В одной семье народы все равны!

Легли на знамя золотом слова,
И озарила землю та молва.
В горах сражался с древней темнотой
Луч ленинского солнца золотой.

И с партией преодолел народ
Войну, разруху, тысячи невзгод;
Мы счастье с нашей партией нашли
И овладели красотой земли.

Минги-тау! Ты всем доступен стал:
Мы под горами строим города,
И добываем в недрах гор металл,
Червоным золотом блестит руда.

Вверх поднимались мы из года в год;
Твою вершину оседлал народ.
А высота дороже всех наград;
Для нас, людей советских, нет преград!

Нет на твоей вершине родника,
Не рассекал ее кочевник Нух;
Здесь не бывал Ильяс наверняка.
Ты — лишь вулкан, что навсегда потух!

И птица, что пила из родника,
Нам не сплет о мужестве в борьбе.
Ведь это люди в прошлые века
Сложили здесь легенды о тебе.

Родник твой — нашего народа ум,
Бессмертие — народные дела.
А счастье — вечный свет трудов и дум,
Земля, что беспредельна и светла!

Спокоен ты, седоволос и горд,
Великий старец гор, Минги-тау!
Ты, как верблюд кочующий, двугорб,
Раздумчив твой простор, Минги-тау!

С заоблачной холодной высоты
На жизнь людскую вечно смотришь ты.
И видишь — люди знаньями сильны,
Умением трудиться для страны.

Ты видишь мужество людей в строю,
В трудах великих, в яростном бою;
Их воспитала родина — страна,
Что партией родной озарена!

1956

СТАРЫЙ БОЛАТ

I

В пропасть мрака солнце кануло, скорбя,
Горем черным лег вокруг туман ночной.
Черный враг поднялся в горы, всё губя,
Злоба, смерть дышали хрипло над страной.

Надвигался тучей враг, жесток и скор,
Ни младенцев не щадил, ни стариков.
Деды, матери бежали в сердце гор,
Поднимались семьи выше облаков.

Посадив на спину крохотных ребят,
Все шагали, спотыкаясь на ходу.
Скалы, выси неприступные скорбят —
Миновать бы только смертную беду!

Матерям покоя думы не дают,
Черной мглой клубятся бездны пропастей.
Вот пещеры — бедных беженцев приют;
Может, смерть и не настигнет здесь детей!

Буря выла злой волчицею в горах,
И седой туман аулы леденил.
Всех терзал, как волк голодный, хищный враг,
На земле балкарской жителей казнил.

Нес Болат седой внучонка-малыша,
Изнемог, метелью бешеной гоним.
И плелась жена-старуха, чуть дыша,
И невестки с детворою шли за ним.

Все три сына у Болата на войне:
Защищали нашу землю в эти дни;
Словно львы дрались с фашистами в огне
За родной аул, за родину они.

И собрал свою семью седой Болат:
Сам бы в битве устоял он, как скала;
Да не стало сил, спина и грудь болят
У бесстрашного, у вольного орла.

На него смотрел с надеждой честный род:
Все внучата, три невестки и жена.
Нет, не бросится, как прежде, в бой,
вперед —
Старый, слабый! Нет, не те уж времена!

А бывало, разлетались, как снега,
Волки белые под натиском клинков;
И была земля могилой для врага,
И сбегали с гор Шкуро, Серебряков.

Нет уже огня в пещере, съеден хлеб,
Дети плачут, — жизнь ребятам дорога!
Если б каждый птенчик крохотный окреп,
Он бы ринулся, как буря, на врага!

2

Стыло утро. Было холодно в горах.
О семье своей задумался Болат.
Увести бы всех подальше: близок враг!
Скрыться надо, — не настигнет вражий
взгляд!

Нес Болат свою старуху на спине,
Шли невестки с малышами в тишине.
Грянул выстрел, словно вскрикнула
скала, —

Пуля подлая героя подсекла.

В пропасть черную Болат седой упал;
Ветер злой старухе косу растрепал;
И тогда ее кустарник подхватил,
Удержал седую, в пропасть не пустил.

И над пропастью повисла меж ветвей
Мать любимая отважных сыновей.
Вспомнят мать сыны, взлетая к облакам,
Отомстят они за родину врагам!

Не пришлось лихим врагам торжествовать,
Беззащитных, старых, малых убивать:
К нам с победой шли советские войска —
Мстить врагам огнем и молнией клинка.

3

Солнце утром победило поздний мрак,
Свет победы просиял издалека.
Лютым волком побежал разбитый враг,
Мстили хищникам советские войска.

Так от сокола бежало воронье,
Что теряло оперение свое.
Злобен хищник беспощадный, да труслив, —
Наш клинок его настигнет, справедлив!

Сыновья Болата старого домой
Вместе с армией вернулись на заре.
Победителям отважным — путь прямой
К милым женам, к ясноглазой детворе.

Мать-старуху сняли с кручи три бойца,
Отыскали тело старого отца.
Положили их в могилу три бойца:
Вместе жили — вместе быть им до конца!

Окружили братья холмик с трех сторон,
Старику последний отдали поклон.
Сели братья на коней своих лихих:
— Мы добьем врагов! Догоним скоро их!

По дорогам горным, в солнечном краю,
Мчались рядом братья-конники в строю.
Мстили недругам в торжественном бою.
За своих родных, за родину свою.

Сыновья Болата брали перевал,
Каждый сын героя долго воевал.
И домой вернулись братья ясным днем,
День Победы просиял в краю родном.

4

Там над кручей, на могиле стариков,
Братья памятник поставили. Гранит
Поднимается над грудой облаков.
Память битвы, память жизни он хранит.

Знают, помнят сыновья, что только мать
Да отец так не смогли б их воспитать, —
Мать отчизна, ратных подвигов родник,
Пела песни им, заботилась о них!

В час беды сынов отчизна позвала:
Встали в строй непобедимый наш втроем
Сыновья Болата, старого орла;
Мы везде таких героев узнаем.

Если к нам придет война-беда опять,
Встанут храбрые свободу отстаять,
Сыновья Болата снова встанут в строй;
Миллионы их, и каждый сын — герой!

Закаляются герои, словно сталь,
Им и жизнь отдать за родину не жаль;
Наша партия недаром им дала
Крылья вольного могучего орла!

Над высокой кручей памятник стоит:
В нем — любовь великой родины моей
К тем, кого преданье это сохранит,
К тем, кто вырастил героев-сыновей.

1956

Саид Отаров

ДОЖДИК

Дождик вешний золотой,
Дождик милый, дорогой,
Теплый, шумный, как поток,
Долгожданный наш дружок!

Ты нам волос намочил,
Чтобы волос гуще был,
Чтобы боли головной
Мы не знали никакой¹.

Щедро землю ты смочил,
Чтоб покос наш гуще был,
Чтоб цветы росли кругом, —
Собирать мы их пойдем.

Мы букетов наберем,
Мы домой их принесем,
В банки им воды нальем,
Мы цветами скрасим дом.

¹ По народному поверью, голова не будет болеть, если намочить волосы первым весенним дождем.

Дождик вешний золотой,
Дождик милый, дорогой,
Теплый, шумный, как поток, —
Здравствуй, дождик, наш дружок!

1931

КТО ИЗ ЖИВОТНЫХ КРАСИВЕЙ?

*В*сё громче спорят, горячей,
На бревнах сидя, дети:
Кто из животных и зверей
Красивее на свете?

— Рысистый конь, — сказал Мажит, —
Красивей, без сомненья:
Когда, как пляшучи, бежит —
Так это загляденье.

Но не согласен с ним Шаухал:
— Корова — вот красива,
Когда во двор идет, тиха,
Грузна, нетороплива.

Им возражает Сюлемен:
— Козел красивей, право:
Как войско против вражьих стен,
Ведет отару браво,
И, как мечи, над лбом крутым,
Рога несет сердито.

Но Аскербай перечит им:
— Баран красив! — твердит он. —
Ему в тулупе никакой
Не страшен холод жгучий.

И каждый рог его большой,
Как будто крендель, скручен.

Но доказать готов Хамид:
— Тур — истинный красавец,
Когда он на скале стоит,
Чуть неба не касаясь,
И вздыблена в ту высоту
Его рогов громада...
В тот миг как страж он на посту
Иль как пастух у стада!
Нет, красотой кто, когда
Мог с туром бы тягаться?

Но всем Хусейн докажет: — Да,
Красивей серна, братцы!
Такие ноги — у кого?
Копыта чьи острее?
Кто мог попасть бы к ней в родство:
Чей бег ветров быстрее?

Тут возразил ему Салах:
— Красивее олени!
Ветвистые рога у них —
Их меч и украшенья.
Ни у кого — могу на спор! —
Рогов подобных нету...

Чем кончился бы разговор,
Как знать, но, слыша это,
Таубий, что давно уж сед,

Сказал:

— Друзья, от века
Животные красивы все,
Коль милы человеку.

1932

НА ЛУГУ

На лугу до темноты,
По траве еще не смятой,
Как щипцами завиты,
Бродят малые ягнята.

И, спеша на солнцепек
Стайкою озороватой,
С бугорка на бугорок
Резво прыгают козлята.

Из зеленой гущи трав
Вперегонки, как ребята,
Ветки хвостиков подняв,
Выбегают вдруг телята.

И ягнят растит колхоз,
И козлят растит колхоз, —
И телят растит колхоз, —
Говорят, их в кошах много.

И ягням вольно жить,
И козлятам вольно жить,
И телятам вольно жить
Здесь, у горного отрога.

Только здесь еще вольней
Длинноногим жеребяткам.
Лета птичьего быстрее,
Говорят, их бег крылатый.

Школьники на кош спешат
В дни свободные не даром:
Каждый мальчик втайне рад
Пастухом пойти к отарам.

Хорошо бы получить
Мальчикам по жеребенку
И коней из них растить,
С пышной челкой, с шеей тонкой,
Чтоб потом в полях, в лесу
На красавцах этих мчаться, —
Красную настичь лису,
С серым волком повстречаться.

И пастух, детишкам рад,
Говорит, седой: мол, годы
Минут — выйдут из ребят
Знающие скотоводы.

И, горда от мысли той,
Детвора спешит за дело,
И, согрета похвалой,
Помогает взрослым смело.

1933

СОЛНЫШКО

Вот солнышко выходит из-за края
Горы, украшенной чалмой снегов.
Цветы, головки выше поднимая,
Росинки стряхивают с лепестков.

Семья их солнцу золотому рада,
Теплу его ласкающих лучей.
И, солнце славя, птицы в кущах сада
Поют все радостнее и дружней.

Резвится на лугу ягнят ватажка,
Теплом щекочет солнце спины им.
И ручеек поет на дне овражка —
Он тоже рад, что солнышко над ним.

И под сияньем близкого светила
На горных пиках будут таять льды,
И ручеек взыграет с новой силой —
Ему прибавит солнышко воды.

Цвет розовый купая в нежном свете,
И вишня солнцу рада день-деньской.
Полны карманы красных ягод детям
Насыплет вишня щедрою рукой.

Посевы, из земли поднявшись черной,
Ликуют, что их стебли не в тени.
Под солнцем ярким наливая зерна,
Дадут богатый урожай они.

И детям нравится гурьбой веселой
Приветливое солнышко встречать.
Когда они идут утрами в школу,
Их солнце провожает, будто мать.

1933

СПОР ПЧЕЛЫ С ОРЛОМ

Пчела поспорила с орлом,
Сказала: мол, от века
Живу я собственным трудом,
И друг я человека.

И в небе, где так гордо ты
Паришь, — и я летаю,
И не пугаюсь высоты,
И устали не знаю.

Без дел не провожу я дня.
Пчелу все в мире знают.
И лепесточки для меня
Все розы раскрывают.

Цветы не копят свой нектар
От добрых пчел украдкой,
Охотно отдают им в дар
Богатство без остатка.

Мы в улье сотнями живем,
Работаем совместно.
Кто не таков — покинь наш дом,
Таким у нас нет места.

Закон пчелиной стороны:
Мы всем даем работу!
В труде мы объединены.
Вон, коль не наполнишь соты.

Живем мы скромно отродясь,
Простая раса — пчелы!
Кто другом с нами держит связь —
Шербет наш пей веселый.

А ты? Бродяга да и плут,
Живешь без всякой цели.
И пользы от тебя не ждут
По праву, в самом деле.

Немудрено, что речь дошла
Укорная до слуха:
Сидела легкая пчела
У птицы возле уха.

— Эй, муха рыжая, давно ль
Философом ты стала?
Ты мудрости глубокой соль
Глотала, верно, с мала?

Ты — телько муха, я — орел!
Что общего меж нами?
Бахвалишься, что так же, мол,
Владеешь ты крылами.

Коль без труда добыюсь всего,
Работать стану ль зря я?
Кто в жертву избран мной — того
Душу я, догоняя.

Так славно буду жить, как жил.
Все предо мной в смятенье.

Мне только б разве причинил
Охотник огорченье.

Но только в скалах не найти
Ему моих гнездовий,
Устанет пуля на пути,
Моей желая крови.

Не скверной жизнь моя была!
Что ж пристаешь? Уйди же!
Тебе ль учить меня, орла,
Ничтожной мушке рыжей!

Но выстрел вдруг издалека
Гремит... Упала птица.
Пчела, испугана слегка,
Спешит на пчельник скрыться.

Повесил на плечо ружье
Стрелок, пастух бывалый,
И стадо мирное свое
Погнал он выше в скалы.

И от удачи той стрелок
Заметно стал веселым...
О том пчела, вползя в леток,
Рассказывала пчелам.

1935

РЕБЯТА

Заперта на лето школа,
А сентябрь еще далек...
Но зато у частокола
Слышен детский говорок:

Собрались творцы-герои,
Пилят, рубят, мастерят.
Вертолет Алий тут строит,
Самолет себе — Мурат,

А Хасан себе — подлодку,
А наездник наш Заур
Стал коня лепить — без плетки
Будет конь скакать, как тур.

Нет, не зря кипит работа!
Например, смельчак взойдет
На Эльбрус — и вертолетом
Плов ему Алий свезет.

Ну, а если враг жестокий
Нападет на край родной,
Полетит Мурат, как сокол,
Налетит Мурат грозой.

И подлодкою поможет
Другу-летчику Хасан,
Если недруг потревожит
Наше море-океан.

У Заура — папа хмурый,
Не велит скакать верхом, —
Вот и хочется Зауру
Собственным владеть конем.

Мастерит Солтан ракету:
На луну взлетит малец
И откроет всему свету
Ее тайны, наконец.

Козлика из чурки длинной
Вырежет ножом Мухтар,
И буренушку из глины
Даст Масхут колхозу в дар.

А зачем козел Мухтару?
Будет он, подняв рога,
По горам вести отару
На альпийские луга.

Мамин баловень бедовый,
Знает, лакомка Масхут:
От породистой коровы
Больше сливок соберут.

И Ахмет пришел умелый
Молотком он все стучит.
У него по горло дела —
Кончить стройку он спешит.

В стороне от стежки торной
Он возводит этажи.

Хорошо в доме просторном
Все балкарцы будут жить.

Так ребята у забора
Строят, лепят день-деньской,
Молотки мелькают скоро,
Пахнет глиною сырой.

А ведь речка вьется логом,
В ней бы плавать да нырять...
Но сейчас работы много,
Речка может подождать.

1956

ГОРНАЯ РЕКА

Река, сбегающая к морю
Из льдов потоком голубым,
Твой день мятежный — людям горе,
Твой день спокойный — радость им!

На солнце — золотом сверкаешь,
В густом тумане — серебром,
В теснине каменной вздуваешь
Ты воды пенистым бугром.

То ты быстрее лани мчишься,
То льешься тихо, чуть дыша,
Но все без отдыха струишься,
Тяжелой галькою шурша.

В пути нелегком, дальнем — разом
Ударившись о грудь скалы,
На искрометные алмазы
Ты вдруг дробишь свои валы.

Иль, оступясь с гранитной кручи,
Шумишь ты, нагоняя страх,
И эхо долго и гремуче
Тебе отвечает в горах.

Как удила скакун — ты осыпь
Грызешь, наткнувшись на обвал,
И волны, будто камнетесы,
Шлифуют мерно грани скал.

Бываешь иногда ворчливой
Ты, как капризная жена;
А пены белые извивы
В струях, как в косах седины.

Как шарики монист стеклянных,
Плывут чредою пузырьки,
То разбегаясь в играх странных,
То собираясь в табунки.

Обидясь на скалу, бывало,
Ты рыла почву берегов
И людям горе причиняла,
Топя созданья их трудов.

А ныне тяжкое сплетенье
Мостов повсюду над тобой;
Стоят аулы по теченью,
Как неусыпный твой конвой.

В каналах кабардинских ныне —
Как дар от нас — твоя струя,
И хлебом, зревшим на равнине,
Балкарцев потчуют друзья.

От струй живительных повсюду
Цветут колхозные сады,
Хлеба в степях встают, как чудо,
Гульливее морской воды.

То по лугам, то в скалах сжата,
Струишься ты в морской простор.
Народу русскому, как брату,
Неси привет народов гор.

1956

РОДИНА

Родина! Просто ли близкое,
Тихое место рождения?
Родина — грудь материнская,
Струек молочных течение.

Родина! Здесь тебя видели
Скалы, тропинки несметные.
Родина — домик родителей,
Горная речка соседняя.

Родина — дружба заветная,
Юноши, славы достойные.
Родина милая, светлая,
Счастье твое беспокойное!

Родина — племя родимое,
Сила могучая, вольная.
Родина — очи любимые,
Лаской и радостью полные.

Родина! Жизни ей отданы,
Кровь твоя в ней обнаружится!
Замыслы Ленина — в родине,
Партии воля и мужество!

Вся она, родина вольная,
Жизни река многоводная,
Только ли детство довольное,
Сытое и беззаботное?

Ахмадия Ульбашев

ОХОТНИК

Славно получилось:
Грянул выстрел вдруг,
Эхо покатилося
Далеко вокруг,
И вдали у склона
На траву упал
Жугутур,
Сраженный
Пулей наповал.
Поволокой хмурой
Застлан мертвый взор,
Больше жугутуру
Не увидеть гор,
Больше жугутуру
Не гулять у гор,
Снял охотник шкуру,
Разложил костер.
Вьется к небосводу
Голубой дымок,
Хороша погода,
И шашлык не плох.
Припекает солнце, —

Время и домой,
Жугутур трясется
За его спиной.
Завтра до восхода
Он придет опять
След искать у брода,
Горных коз стрелять.
Пусть, лица не пряча,
По путям крутым
Радость и удачи
Следуют за ним!

1930

Берт Туртуев

ПОЧТАЛЬОН

Крепко сбит и ладно скроен,
По тропе кривой
К блиндажам уходит воин
С почтой полевой.

Он на лыжах быстро едет,
Держит путь пешком,
Со своим, оббитым медью,
Старым сундучком.

Ничего, что парню жарко, —
Путь снегами сжат, —
Для товарищей подарки
В сундучке лежат.

А завоюет мина рядом,
Рухнув на пути,
Или грохнет враг снарядом
Метрах в тридцати, —

Он в сугроб метнется тенью,
Приоткроет рот,

Без малейшего смятенья
Поползет вперед.

По сугробам полосатым,
Не свернув с пути,
Он подарки адресатам
Должен донести.

Он с улыбочкой подъедет,
Сбросит сундучок
И с узлом спешит к соседям,
Чтоб обратно — в срок.

И подарки греют, братцы,
Посреди зимы,
Благодарностью солдатской
Отвечаем мы.

Дружно воины клянутся
В сомкнутом строю,
Обещают, что вернуться,
Победят в бою.

Ценится фронтовиками
(Тут и спора нет!)
Драгоценными руками
Вышитый кисет.

По испытанной примете,
Тот кисет простой
Им милей всего на свете
Женской теплотой!..

Пусть подарки небогаты,
Но отчизна-мать
Любит радовать солдата,
Лаской согревать.

1944

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ

Взирают скалы сверху вниз —
Аула караул, —
Друг друга век вздымают ввысь...
Я слышу ветра гул,

Хулам-река шумит в ответ.
И вдруг темнеет день:
Как туча, заслоняет свет
Орлиных крыльев тень.

А я над пропастью повис,
К груди скалы приник,
Как муравей, ползу я ввысь.
Я крутизны достиг.

Вверху вихрится туч клубок,
Где скал крутой изгиб.
Внизу аул на склоне лег,
Как грудa белых глыб.

И вот рывок, усилие рук —
И я на гребень сел.
Не зря я, поборов испуг,
Над бездною висел.

Горжусь, что вырос на земле,
Где видно все вокруг.
Свое я имя на скале
Пишу. И вижу вдруг —

Начертано: «Иван Светлов» —
На каменной стене.
И стало ясно мне без слов:
Путь проложил он мне.

Мой брат пробил к вершине путь:
Я помню всё в пути,
Все выступы, где мог вздохнуть
И к цели вновь идти.

Мой старший брат мне руку дал,
К вершине счастья вел...
Да будет надпись, как звезда,
Видна из ближних сел.

Из ближних ли?.. В счастливый день
Начертана она.
Изгнала горькой жизни тень,
Везде она видна!

Она на подвиги зовет
И помогает нам.
Шлет русским братьям мой народ
Сердечный свой салам.

1955

ПЕСНЯ

На берегу проворного ручья
Играет свежий ветерок цветами.
Опять вернулся к милым скалам я,
Опять покоя не дает мне память.

На сером камне — наши имена:
Любимая их рядом написала.
Зову — не откликается она.
Ищу глазами — но пустынны скалы.

Плывущие по небу облака,
Не превращайтесь в пасмурные тучи:
Она должна прийти издалека,
А в темноте опасен путь над кручей.

Я шлю ей письма, полные любви, —
Любимая молчит непоколебимо.
Неужто все послания мои,
Как эти струи, проплывают мимо?

1956

ГОРНАЯ РЕКА

На склонах горы сквозь волнистый туман
Гудит над ущельями снежный буран.
На склонах горы из-под вечного льда
Бурлит и искрится живая вода.
Прозрачные струи бегут по камням,
И шумный поток образуется там.
Холодные воды вбирая в себя,
Он весело мчится, утесы дробя:
Минута — и вот голубые валы
В широкую пропасть летят со скалы.
В глубокой теснине — могуч и широк —
Он дальше несется, упрямый поток.
И грохот растет, заглушая слова,
Как будто стучат под горой жернова.
Ты вниз поглядишь — и покажется вдруг,
Что яростный бой закипает вокруг;
Бушует вода и, кидаясь вперед,
Размытые глыбы с собою несет,
И лижет слезинки на скалах седых,
А заросли встретит — уносит и их;
И тайные щели заполнив в пути,
Богатства подземные хочет найти.
Тяжелые камни летят под обрыв
И, водам мятущимся путь перекрыв,
Ложатся, как будто отара овец,
И удали буйной приходит конец.
Шипя и воркуя, речная волна
По камням струится, упорства полна,
И в узких воронках бессильно кружась,

Как пленная птица, трепещет подчас.
Но пройдены камни — и воля близка,
И вот, торжествуя победу, река
В долине серебряной вьется змеей,
Под солнцем горячим блестя чешуей.
Безоблачен полдень, прозрачен и тих,
И, ласково нежась в лучах золотых,
Выходит она на широкий простор,
К садам плодоносным, к подножию гор.
И сказочный путь перед нею открыт;
Течет и, как звездная россыпь, блестит,
И людям волнует и радует взор —
Чудесный подарок заснеженных гор.

1956

ЯСНОЕ УТРО

Алым светом загорается восток,
С гребней гор струится быстрый ветерок,
Далеко за горы тучу гонит он,
Чтоб она не заслоняла небосклон.

О серебряные горы, там, вдали!
Все дороги мира к вам меня вели,
Я спешу навстречу вам, чтобы опять
Вам объятия раскрыть — и не обнять.

Солнце тихо поднимается в зенит
И серебряные гребни золотит,
Замирает ветерок — пришла пора
Золотого и лучистого тепла.

Я рассвета здесь не видел с давних пор,
О, как ясен утра свет, сиянье гор!
Если б ты увидел их, наверняка
К ним пошел бы ты пешком издалека.

Беспредельна, величава и проста
Горных кряжей вековая красота, —
То укрыты склоны зеленью лугов,
То мерцают белым саваном снегов,

То клубятся над горами облака,
Словно пенистая горная река.
Оседают облака и всё кругом
Обволакивают белым волокном.

Золотистый их пронизывает луч,
Глядя черные морщины горных круч,
И чтоб стал еще красивее простор,
Мы отарами украсим склоны гор!

Час рассвета... Что прекраснее для нас!
Мы страну свою встречаем в этот час,
Солнца утреннего радостны лучи,
И друзей рукопожатья горячи.

Кабардинцы нас встречают — стар и млад —
«Вашей радости мы рады», — говорят.
Клятва дружбы — это клятва навсегда,
Наша радость — радость общего труда!

Солнце родины послало нам привет,
Светом радости да будет этот свет, —
Он народу освещает путь вперед,
Не наденет больше траура народ!

Солнце дружбы озаряет весь Кавказ,
Солнце братства, окрыляющего нас,
На мечты и на великие дела.
Солнце дружбы наша партия зажгла!

И, как солнца луч, уверен, светел, прям,
Путь, что партия указывает нам.
Ясным светом озаряет нашу жизнь
Наше счастье, наша сила — коммунизм!

ЗАВЕТ СТАРИКА

(По мотивам легенды)

— **Ж**ить бы на земле нам вечно, детушки,
Если б не гулять по свету смертушке!
Душит ведьма кроткого и гордого,
Ни селений не щадит, ни города.

Ведая, что встретится с лукавою,
Каждый хочет умереть со славою,
Хоть и прибегает к осторожности,
Чтобы век продлить свой по возможности...

Мудрый старец в скорбный час прощания
Так свое диктует завещание:

— Ой, сыны, ой, души мои милые,
Суждено мне распроститься с силою!

Честно прожил, потрудился много я,
Радость знал, судьбину знал убогую,
А теперь покинуть свет положено, —
Вот вам, дети, слово пред дороженькой:

Не к дубинке грубой стоеросовой —
Обратите взор к метле березовой!
Крепкая, она из прутьев связана,
Прутиком надежно перевязана.

Вы метлу возьмите и для опыта
На коленке изломать испробуйте!
Хватки не окажется иль выучки —
Позовите сильного для выручки!..

Старший сын, небрежно и воинственно,
Приближается к метле таинственной,
Гнет в дугу, а та все распрямляется,
И джигит уже не усмехается.

На ладони поплевав, как водится,
От натуги средний сын заходится:
Силится сломать метлу упорную,
Да никак не сладит с непокорною.

Сын меньшой, здоровья исполинского,
Пыжится, бахвалится неистово, —
Только тщетно: что бахвал не делает,
Суждено метле остаться целою.

Мудрый старец молвит сыну старшему,
Перед отчим ложем робко вставшему:
— Братьев ты своих завидней разумом,
Поступал всегда — как я наказывал;

Перевязана метла, затворена, —
Разведи ты прутья во все стороны;
Изломайте вы метлу по пруту,
Их огню, сыны, предайте, ну-те-ка!..

Вмиг метла упрямая развязана,
Прутики рассыпаны, как сказано,
И несут джигиты их с усмешкою,
На огонь швыряют их, не мешкая.

Сдвинул старец брови под морщинами,
Засверкал очами ястребиными,

И сынам последнее напутствие
Произнес — могучее, негрустное:

— Смысл понятен всякому и каждому:
Не осилить дружбы плану вражьему!.. —
Трое братьев дали клятву верности —
Людям дружбы и любви пример нести.

1956

Керим Отаров

Л А С Т О Ч К А В Ъ Е Т Г Н Е З Д О

Ласточка вьет гнездо
на потолке блиндажа,
Лепит спокойно — словно
в мире мир, тишина...

Я смотрю на нее
пристально, не дыша.

Сердце громко поет:
это — весна, весна!

Зелено вспыхнул лес,
зазеленели поля,
Дождик брызжет, а даль —
беспредельно ясна.

Сладко пахнет земля,
травами шевеля,
Сердце гулко стучит:
это — весна, весна!

Вдруг — немецкий снаряд
разорвался вблизи.
Снова громом войны
вся округа полна,

Снова — земля в крови,
Снова — весна в грязи,
Снова сердце скорбит:
раненая весна!

Наши орудия вновь
начали гроыхать,
Тяжко гудит земля,
вздрагивает она,
Глухо стонет она,
словно больная мать.
Сердце твердит:
излечим! Мы поможем, весна!

Грохот орудий стих.
Грозно закат горит.
Передохнем чуток —
скоро начнется бой.
Слушаю тишину...
Сердце мне говорит:
Скоро победы весну
мы увидим с тобой!

Май, 1942 г.

В ГОСПИТАЛЕ

Уходит день. Тиха палата,
Все в полумрак погружено.
Безмолвно смотрит в час заката
Безногий комиссар в окно.
Кружась, на берег каменистый,
На предвечерний городок
Лениво падает пушистый,
Уже не тающий снежок.
Все гуще мгла. Крепчает ветер,
Закружит к полночи метель,
А нам уютно лампа светит,
И, как всегда, тепла постель.
Но он опять не засыпает,
Вздыхая, гладит портсигар...
О чем он нынче вспоминает,
Мой друг — военный комиссар?
О том ли, как, привстав по знаку,
Окинув дымные снега,
Он поднимал бойцов в атаку
И вел их сквозь огонь врага;
Иль видит заново сквозь годы,
Как по извилистой лыжне
Он возвращается с охоты
В родной сибирской стороне;
Иль вспоминает те тропинки,
Где с девушкой прощался он
И нежно смахивал снежинки
С волос, распущенных как лен...
Я знаю; костыли — не ноги,

Я вижу, как ложится снег
На незабвенные дороги,
Невозвратимые навек.
Мне б встать вечернею порою
И заслонить его в окне,
Но машет комиссар рукою
И шепчет, наклонясь ко мне:
— Что ж, лейтенант, пусть нет возврата
Тому, что буря отняла,
Судьба безногого солдата —
Судьба бескрылого орла.
Но если только доведется
Вновь увидеть отца и мать,
Нам перед ними не придется
Глаза смущенно опускать.
Нас не согнут любые беды,
Мы по душе отыщем труд,
И наши руки для победы
Немало пользы принесут! —
Сердитый ветер бьет с разбега,
Стучит в окно, упрям и яр...
Сквозь тонкий лед на хлопья снега
Глядит безногий комиссар.

1942

ГЛАЗА ЛЮБИМЫХ, ДРУЖЕСКИЕ РУКИ...

В тяжелых испытаниях, в разлуке,
В дыму атак и просто в горький час,
Глаза любимых, дружеские руки,
Нет на земле нам радости без вас.
Среди огня и пушечного грома,
Приняв без страха тысячу смертей,
Мы шли вперед по самому крутому
И трудному из всех земных путей.
Мы сотни верст прошли в пыли походной,
Святую ненависть к врагу тая,
Чтоб ты была счастливой и свободной,
О родина великая моя!
Как мать свою, спасая от удара,
Сын заслоняет от врагов, любя,
Так в грозный час от пламени пожара
Мы заслоняли, родина, тебя.
В едином поднимались мы порыве
За правду нашу и за честь страны,
Мы защищали мир, — и справедливей,
Чем битва эта, в мире нет войны.
Когда мы шли сквозь непогодь и вьюги,
По бездорожью, топям и снегам,
Глаза любимых, дружеские руки
И днем, и ночью помогали нам.
Они, как сказка, были между нами
И песней, что навеки дорога,
И крыльями, и острыми штыками,
Направленными прямо в грудь врага.

Они сердца спасали от печали
И, нас благословляя на борьбу,
Своим прикосновеньем облегчали
Суровую солдатскую судьбу.
В тяжелых испытаниях, в разлуке,
В дыму атак и просто в горький час,
Глаза любимых, дружеские руки,
Нет на земле нам радости без вас!

1943

ТВОЯ ЖИЗНЬ

Хасану Асанову

Сверкнула падучей звездой твоя жизнь молодая
И рухнула в бездну с горящей своей высоты...
Мы часто с любовью и болью тебя вспоминаем,
Скорбя о тебе... Никогда не воротись ты.

В наш город ворвались фашисты...
И всей твоей жизни,
Всему, что любил ты, огнем угрожали они...
Но сын своей партии, верный защитник отчизны,
Ты был на посту в те кровавые, страшные дни.

Ходил ты по улицам, кровью младенцев облитым,
Где камни кричали, настойчиво требуя: мсти!
Нелегкое дело — тебе с твоим сердцем открытым
Ходить, озираясь, иль дома сидеть взаперти.

Но видя, как родину грабят,
страдая без меры,
Молчал ты. Но только для вида. Для дела —
молчал!
Днем ясной улыбкой приветствовал ты офицера,
Чтоб ждать его ночью, за пазухой пряча кинжал.

Со стен ты бесстрашно срывал их тупые
воззванья
И ночью сжигал их, тайком принося их к себе...
Огонь полыхал, а ты думал о новом заданье,
Грел руки и слушал, как вьюга ревела в трубе...

А может, услышать старался другие ты звуки —
Раскатистый голос советских родных батарей.
Ты знал, что уже нестерпимыми сделались муки,
Что люди глядят на восток, умоляя: скорей!

Предателей видел, везде появляясь незримо,
Их лица стараясь запомнить для будущих лет...
Они в свою очередь с яростью неутомимой
Старались напасть на тобой обрываемый след.

Мне больно, Хасан, что ты пал из-за нечисти этой...
Наш город свободен... Но нету тебя среди нас.
Как многих других, так давно уж Асанова¹ нету.
Я знаю: вы рады, что снова свободен Кавказ.

Падучей звездой сверкнула и рухнула в бездну
Твоя молодая судьба. Ты в могиле. Ты — прах.
Но образ твой смелый из жизни вовек
не исчезнет...
Мы дальше шагаем к победе... Ты в наших рядах.

1943

¹ Хаджи-Мурат Асанов — герой гражданской войны, близкий родственник Хасану Асанову.

РОССИЯ

Ты гибели в очи глядела сурово,
Свободу свою защищая.
Россия!
Высокое, гордое слово,
В нем — слава славян вековая.

Ты ленинской правдою жизнь обновила,
Возвысила души простые.
И вот на земле твоей, древней и милой,
Бесчинствует недруг,
Россия.

Печали и беды твой лик омрачили,
Дышала ты трудно, устало.
Ты гибла, казалось...
Но мощным усиьем
Ты крылья расправила, встала.

Орлят никогда не покинет орлица,
Коль на небе ястреб маячит.
Ребенок испуганный к матери мчится,
Спасаясь от своры собачьей.

Ты — мать наша.
Счастье Кавказу дала ты;
Ты турка гнала супостата;
Ты царский закон отменила проклятый
И стяг водрузила крылатый...

Казалось, пылают кавказские скалы.
Казалось, что нет избавленья.
Но ты не забыла,
Пришла, как бывало, —
Восстали из праха селенья,

Захватчик оставил поля и нагорья.
Россия!
Свободны мы снова!
Рассеялись тучи пожаров и горя!
Прими ж благодарности слово!

Россия!
В лице твоём — строгость солдата,
И матери ласковой нежность,
И гения радость,
И горечь утраты,
Мечты дерзновенной безбрежность.

Я сын твой, хоть русскому не соплеменник;
Я полон любовью безмерной.
Позорною смертью умрет твой изменник,
А ты, словно солнце, бессмертна!

Ноябрь, 1943 г.

У К Р А И Н Е

Я родился вдали от Украины.
В горах Кавказа мой родимый кров,
Где так суровы острые вершины
Под шапкою нетающих снегов.
Не довелось мне на заре веселой
В те золотые, мирные года
Увидеть вас, украинские села,
Цветущие сады и города.
В иное время, в тяжкую годину
Я, Украина, встретился с тобой,
Когда дымилась черные руины
И на земле гремел жестокий бой.
Мне не забыть, как, поклонившись низко
Родной земле, шли беженцы во мгле,
Спасаясь от стервятников фашистских
Со свастикой паучьей на крыле.
Но был прицел неумолим и точен,
Безжалостный свинец косил людей;
Раскинув руки, стыли вдоль обочин
Тела непохороненных детей.
Мы плакали. Но были наши слезы
Не трусостью спасающихся, нет!
Израненные тонкие березы
С отчаяньем глядели нам вослед.
И каждый знал — вернемся непременно,
Придем назад в родимые края,
Чтоб вызволить тебя навек из плена,
Земля многострадальная моя.
В час передышки, на ночном привале,

Когда стихал орудий грозный гром,
Мы о тебе с любовью вспоминали
В густых лесах под Брянском и Орлом.
Мы не могли до срока возвратиться,
Твою судьбу решали мы в бою,
Мы про себя завидовали птицам,
Что пролетали в сторону твою.
Изнемогая от тоски и боли,
В ночи морозной греясь у костра,
Мы пели песни о степном раздолье,
О красоте могучего Днепра.
Но тяжела солдатская дорога,
Не все из нас пройти ее смогли
От Сталинграда до Кривого Рога,
От Волги до украинской земли.
В боях жестоких многих смерть сразила,
Мы всюду оставляли за собой
Родные сердцу, свежие могилы,
Отмеченные красною звездой.
Запомни, Украина, их навеки —
Простых бойцов, что пели о тебе,
Шли сквозь огонь, форсировали реки
И смерть, не дрогнув, приняли в борьбе.
Ты вновь глядишься в небо голубое,
Разгромленный, бежит на запад враг,
Лучась, восходит солнце над тобою,
Ненастных дней рассеивая мрак.

1943

МАЙОР

Был друг хороший у меня,
Седой майор — комбат.
Мы с ним сроднились среди огня,
Как с братом — верный брат.
В землянке, тесной и сырой,
В прокуренной избе
Он мне рассказывал порой
О прошлом, о себе.
— Теперь, гляди, страна в огне,
А в мирные года
Я кочевал по всей стране
И строил города.
Окончим дом — к другим уйдем,
А грудь полна тоской,
Как будто здесь не просто дом,
А сын остался твой.
И вновь зовут тебя леса,
И ты спешишь на зов,
Туда, где встанут корпуса
Средь зелени садов.
А вот теперь в бою не раз,
Подняв на миг ладонь,
Ты отдаешь бойцам приказ,
Скупой приказ: «Огонь!»
И, отступив, ночная тьма
Проход дает ему,
И, вздрогнув, рушатся дома
По знаку твоему.
Кто знает — может быть, снаряд

В ту стену угодил,
Что много лет тому назад
Ты к солнцу возводил... —
И ни один из нас не знал,
Что в сумке полевой
Проект строительства лежал.
Под картой боевой.

1945

КРАСНЫЕ СКАЛЫ

Красные Скалы стоят, охраняя ущелье,
Высятся гордо, задумчиво, радуют взор...
Кажутся крепостью, созданной с мудрою целью —
Вечный покой охранять окружающих гор.

Как на поверке солдаты, в ряды они встали,
Смотрят сурово на мимо текущие дни...
Сколько событий те Красные Скалы видали,
Сколько сказаний поведать могли бы они.

Местному князю тут как-то воздали по чести
Наши джигиты, что были юны и смелы...
Только лишь въехал в ущелье он с белыми вместе,
Конь его рухнул от выстрела с Красной Скалы.

В год появления колхозов отряд комсомольский,
Бандой кулацкой теснимый, был тут окружен...
Месяц ребята в тех скалах держались геройски,
Хоть на счету в их отряде был каждый патрон.

Тщетно бандиты рвались тогда в Красные Скалы...
Ну а потом, выручая геройский отряд,
Красная Армия банды, как пух, разметала...
Скалы запомнили этих отважных ребят.

После, когда по Кавказу фашисты шагали,
Меткий огонь партизан им везде досаждал...
Тщетно каратели мстителей этих искали,
Каждую ночь появлялись они из-за скал.

Если еще раз военные бури нагрянут,
Красные Скалы на битву пошлют сыновей...
И сыновья эти грудью за родину встанут
И никогда не поступятся честью своей.

Верные партии Ленина, гордо и смело
Знамя горящее наше неся над собой,
В бой мы пойдем за великое, правое дело.
Враг проиграет нам этот решительный бой.

Красные Скалы предания помнят и даты.
Сколько в преданья добавили дат мы и глав...
Стройно стоят они, как на поверке солдаты,
Молча стоят они, головы гордо подняв.

1949

МОЙ СОВРЕМЕННОК

Я не о тех, кто молодость и зрелость
Провел в тиши бумажных крепостей,
Чье мелкое тщеславие пригрелось
У выгодных и теплых должностей,

Кто был «готов к труду и обороне»,
Орал с трибуны родине хвалу
И всю войну, устроившись по брони,
Отсиживался где-нибудь в тылу.

Вы и теперь, наверное, слышали,
Как рьяно митингует он опять:
«Мы жизни не щадили! Мы пахали...»
На нем и вправду можно бы пахать.

Пускай сегодня тот меня услышит,
Кого я добрым словом помяну,
Кто все оставил — дом, семью, детишек,
Без громких слов собрался на войну,

Кого искала пуля не однажды,
Кто знает, что за штука медсанбат,
Кто мерз в снегу и умирал от жажды,
Но шел всегда вперед, а не назад.

Погибший или без вести пропавший,
Он объявлялся вновь на страх врагу,
В своей шинели, порохом пропахшей,
Шагающий сквозь ветер и пургу...

И несмотря ни на какие сроки,
О нем я вспоминаю все нежней.
Теперь он на заводе или стройке —
Куда пошлют, где он всего нужней.

Все так же прост и скромн, как обычно,
Он на собраньях воду зря не льет,
Не козыряет знаками отличья,
Не требует поблажек или льгот.

Таков мой современник, бывший воин,
Из тех, что тверже каменной скалы.
Он безусловно большего достоин,
Чем просто безымянной похвалы,

Тем более что он не любит фразу,
Он трудится упорно, день за днем.
Да ведь и вам придет на ум не сразу,
Что вся держава держится на нем...

1950

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Детство!

Не у всех ты одинаково,
Ты не всех голубило, любя.
Но живешь ты в памяти у всякого,
Каждый рад бы возвратить тебя.

Ты, голодное и голоштанное!
Я тебя благодарю опять.
Укорять тебя вовек не стану я —
Буду улыбаясь вспоминать.

Хоть порою сверстникам завидовал,
У отцов сидящих на плечах,
Хоть порою с горькою обидою
На соседский я смотрел очаг, —

Не считал себя я обездоленным,
Не считал себя я сиротой,
Бегал по лугам джигитом вольным,
Игры затевая день-деньской.

Ты освещено, как солнцем, детство,
Блеском добрых материнских глаз.
Никуда мне от тебя не деться,
Вновь передо мною ты сейчас.

Память, как хозяйка бережливая,
Крохи дней безоблачных хранит...
Это утро вижу очень живо я:
Тени синие, траву меж плит;

Будит мать — и я бегу на улицу.
День встает, сверкая, гомоня.
Гур-гур-гур! — кудахчет звонко курица,
Будто бы приветствуя меня.

Я даю цыплятам зерен поровну,
А наседка квохчет все сильней.
Будто бусы с ниточки оборванной,
Катятся цыплята вслед за ней.

Почему мне этот день запомнился?
Хоть убейте — не пойму и сам.
Я впервой обрадовался солнцу,
Бархатным цыплятам,
Небесам...

Помнится еще,
Как слово «Ленин»
Написал в тетрадке я впервой, —
И мулла угрюмый в озлобленье
Вдруг обжег мне пальцы балакой¹.

Месяцами жил в глухой пещере я —
Пас ягнят и непослушных коз.
Летом обжигало солнце щедрое,
А зимою костенил мороз.

Я в аул спускался, чтоб заштопали
Одежонку ветхую мою...

¹ Балака — маленькая палочка.

Поседевшие от пыли тополи,
Гор громады — вновь вас узнаю!

Детство, помнишь берега баксанские?
Часто здесь бродили мы с тобой,
Рыбу серебристую вытаскивая
Из воды зелено-голубой.

Здесь простились мы...
Дорогой дальнею
Зашагал подросший паренек.
На него глядело ты, печальное,
Словно на уплывший поплавок.

А дорога жизни повела меня
Ровным полем,
Скользкой крутизной.
Я шагал в дыму, в военном пламени,
Шел в железный холод,
В ярый зной.

Видал всюду руки бедной матери,
Слышал ее тихие шаги,
Я ловил в разлуке шепот матери:
— Господи, сынка обереги!

Детство, ты не ведало,
Что сбудется
В жизни с другом худеньким твоим.
Я шагал в ненастье и распутицу,
Солнцем детства доброго храним,

Я шагал вперед с дорожной песнею,
Научился побеждать я страх.
Я любил читать про интересное —
О неведомых морях, горах,

О всесильном, умном электричестве,
О летающем стальном орле...
Я познал тогда восторг лирический.
Стих родился в предрассветной мгле...

Да, прошел немалую дорогу я.
Но и ныне, через много лет,
Снова вижу детство быстрого,
Ветер утренний,
Весенний свет.

И опять идет дорогой дальнею
Худенький веселый паренек,
Детство на него глядит печальное,
Будто на уплывший поплавок.

1955

ДАЛЬНИЕ ДОРОГИ

Дороги дальние, о вас я вспомнил снова
Не для бахвальства славой прежних лет,
Пусть камни ваши молча и сурово
Моей крови хранят горячий след.

Я вспомнил вновь с тревогою солдата,
В разрывах мин, у смерти на краю,
Встающую с последнею гранатой
Отчаянную молодость мою...

И если б в огневые годы эти
Я прятался от бури в стороне,
То жить не пожелал бы я на свете,
Хотя бы жизнь сто раз давалась мне.

1955

Омар Этезов

МАЛЬЧИК ИЗ САКАШИЛЯ

Шо горным кряжам, шаг за шагом,
Сметая вражеский оплот,
В огне боев, под красным флагом,
Шел славный двадцать первый год.
Не выдержав ударов смелых,
Но не сдаваясь до конца,
Разгромленные банды белых
Пытались выйти из кольца.
В ненастную ночную пору,
Под шум осеннего дождя
Они просачивались в горы,
Заставы наши обходя.
И, как разбойники, ночами
Они тропой звериной шли,
Чтоб звезды их не замечали,
Чтоб партизаны не нашли.
И вот однажды на привале,
Когда людей клонило в сон,
Они внезапно услышали
Невдалеке протяжный стон.
Прикрытый свежими ветвями,
Страдая от тяжелых ран,

Стонал, не найденный друзьями,
В пещере мрачной партизан.
Он повторял слова приказа,
Он вспоминал сожженный дом;
И плакал мальчик черноглазый
Над умирающим отцом.
—...Беги, сынок, спустись в ущелье,
Там много наших партизан;
Ты свистнешь соловьиной трелью —
Тебя узнают, Адрахман.
Там, в Сакашиле, за горами
Остались верные друзья,
Они расправятся с врагами,
И станет светлой жизнь твоя,
Прощай, сынок! — Но за спиною
Глухие раздались шаги:
На них зловещею стеною,
Наставив дула, шли враги.
— Вот видишь — мы явились сами,
И это — твой последний миг.
Ты захотел бороться с нами —
Так слопай пулю, большевик! —
Раздался выстрел. Откатили
Бандиты мертвого ногой,
А сына за руки схватили
И повели перед собой.
Но мальчик вырвался. Скользнули
Шальные пули по стволам,
Но он бежал быстрее пули,
Бежал во мраке по камням,
Пока в предутреннем тумане
С опушки не увидел он

Бойцов, стоящих на поляне
Под сенью огненных знамен.
Он вышел. Смолкли разговоры.
Давясь от подступивших слез,
Он показал рукой на горы
И ничего не произнес...
Настигла конная разведка
Бандитов в зарослях густых,
И пули, посланные метко,
На месте уложили их.
А труп героя бездыханный
Был у пещеры найден. Тут
Похоронили партизана,
И трижды прогремел салют.
И снова в путь, вгрызаясь в кряжи,
Сквозь пламя, через реки вброд, —
В последний бой на гнезда вражьи
Шел славный двадцать первый год.
Он шел, грозою опаленный,
Дыша военной страдой,
И поднимал свои знамена
Над победившей Кабардой.
И с этих пор заря свободы
Горит над родиной моей,
И никогда врагам народа
Не погасить ее лучей.
Им не пройти тропою волчьей,
Не одолеть наш вольный стан, —
Не для того осенней ночью
Прощался с сыном партизан!

Красавица, с тобою
Везде мои мечты.
Приди.

Мне в этой жизни
Нужна одна лишь ты.

Мне рана прямо в сердце
Тобой нанесена,
День не дает мне счастья,
Ночь не приносит сна.

Меня столкнув, как в реку,
В мечтаний быстрину,
Скорей подай мне руку —
Не то я утону!

Хоть улыбнись, прощаясь,
И я умру не зря:
Одна твоя улыбка
Влюбленному — заря.

Ему с тобой разлука —
Как сумрачный закат;
Ему, как ласка мая,
Единственный твой взгляд.

В горах я, собирая
Росистые цветы,
Прекраснейший целую:
В нем воплотилась ты.

1932

ПОЭТУ

Прислушайся к народу своему —
Он нужное тебе подскажет слово;
Возьми его, храни его — и снова
Ты слово это возврати ему.
И вот тогда, сверкая, как алмаз,
Своею красотой благородной,
Твои стихи останутся у нас
И сохранятся в памяти народной.

1940

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Во тьме ночной скользят по небу тучи,
Грозя с собою унести луну,
Но, не страшась, Эльбрус седые кручи
Навстречу к ним вздымает в вышину:
И кажется, что, неподвластный страху,
Он ждет от них чего-то поновей
И серую пушистую папаху
Угрюмо надвигает до бровей.
И слушает, как, гневом одержимый,
Теснины роя и точка гранит,
Куда-то вниз поток неудержимый
С крутых высот стремительно летит.
А там, в ущелье, сотрясая скалы,
Орлов тревожа, катится во тьму
Могучий грохот снежного обвала
И вторит эхо издали ему.
И медленно, уступами крутыми,
Сползают вековые ледники,
И оживают весело под ними
Дремавшие дотолле родники.
Здесь все загадочно. Здесь страшно ночью;
Но ночь уйдет — ей срок короткий дан, —
И свежий ветер разрывает в клочья
На склонах залежавшийся туман.
И небеса светлеют постепенно,
И первый луч скользнул из полумглы,
И снег похож на розовую пену,
И, вздрогнув, просыпаются орлы.
И все заметней легкое движенье

Рассеянных, волнистых облаков;
Рожденье дня, и гор преображенье,
Освобожденье солнца из оков.
Кавказские заснеженные горы,
Суровый край заоблачных высот,
Люблю тебя! Мне не окинуть взором
Твоих хребтов стремительный разлет;
Шумят леса, не молкнет гомон птичий,
И реки мчатся, брызгами пыля...
Нет более высокого величья
И красоты прекрасней, чем твоя!

1940

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Я видел много карих глаз
И светло-голубых,
Но я не видел в мире глаз
Красивее твоих.
Они чисты, как ты сама,
Прозрачны, как роса,
Людей сводящие с ума
Волшебные глаза.
Любой пойдет на поводу
У этих черных глаз,
Случайно на свою беду
В них заглянув хоть раз.
Я все проказы дней былых
Забыл, остановясь
Перед сияньем глаз твоих,
Чудесных черных глаз.
Они сверкали, как мечта,
Лаская и маня,
Их глубина и чистота
Тревожили меня;
Я видел в них простор полей,
Цветущие сады
Далекой родины моей,
Любимой Кабарды.
Я за тобой готов идти
В грозу, в дыму, в огне,
А без тебя мне нет пути
И нет покоя мне.

1941

ЗАРИ

(Отрывок из поэмы «Сказания древней башни»)

Люди едут молчаливо. Тишина. Не дрогнет ветка.
Впереди — Заур отважный, он ведет их в стан
врагов.
Все в пути ему знакомо, он сражался здесь
нередко,
Орошая вражьей кровью зелень пастбищ и лугов.
Днем и ночью, где б он ни был, с ним друзья
повсюду рядом,
Возмужавшие в сраженьях, закаленные в борьбе.
Вот привстал на стременах он и, орлиным,
властным взглядом
Отыскав в толпе Мамсура, подозвал его к себе.
— Грудь моя тоской объята, мы идем на Бадиляга,
В битве грозной и нелегкой одолеем мы его;
Ни измены молчаливой, ни коварного булата,
Ни жестокого сраженья — не боюсь я ничего.
Не впервые нам с тобою ожидать без страха боя,
Не впервые, друг мой верный, проливать нам
вражью кровь,
Но Зари прекрасной очи вижу я перед собою,
И опять меня терзает эта давняя любовь.
Десять лет, как я страдаю, изнываю от печали,
Сердце бьется беспокойно, взор мой холоден
и хмур.
Пусть измученные кони отдыхают на привале;
Ты видал ее когда-то, — расскажи о ней, Мамсур!
— Да, Заур, давно я вижу, что лишился ты покоя

И тоскуешь молчаливо по возлюбленной своей;
И, твои страданья видя, сам страдаю глубоко я.
Так садись, батыр мой славный, я поведаю о ней.
Я видал ее когда-то, и, сказать тебе по чести, —
Я забыл про всё на свете, потерял я разум свой;
Если всех красавиц мира ты б собрал однажды
вместе,

Их бы всех Зари затмила лучезарной красотой.
Слов достойных не найду я, описать я не сумею
Ни ее движений плавных, ни сиянья черных глаз.
Словно звезды перед солнцем, сразу меркнут
перед нею

Все красавицы другие, что пленяли прежде нас.
В белом платье, в летний полдень, озаренная
лучами,
Как пройдет она по замку — от ворот и до ворот —
Да как глянет на батыра, ослепив его очами, —
Сильный выдержит, но слабый... Он у ног ее
умрет.

Ей завидуют царицы, на нее взирая косо;
От весеннего восхода ей румянец вечный дан,
И чернее, чем агаты, до земли тугие косы
Горделиво обрамляют тополиный, стройный стан.
Но Зари грустит и плачет, ничему она не рада,
И печальной чередою дни ее проходят тут.
Заперта ее темница, высока ее ограда,
И темницу эту слуги Бадилятов стерегут.
Казбулат ее неволит, он лишил ее свободы,
И над пленницей своею торг постыдный он ведет,
И уже давно б, наверно, в Грузию ее он продал,
Только князь ему грузинский мало золота дает.

Но сегодня темной ночью мы найдем врагов,
я верю,
И коварных Бадилятов мы осилим до зари;
Мы спасем рабов от смерти, мы откроем настежь
двери,
И тогда к тебе в объятия упадет твоя Зари.

1950

ПОЭТ-БОЕЦ

Али Шогенцукову

Зловещий дым плывет над Украиной,
Под резким ветром гнутся тополя;
Тоска дорог. Сожженные руины.
Изрытые воронками поля.
Не все из нас смогли уйти к востоку,
Из вражеского вырваться кольца...
Я вспоминаю с нежностью глубокой
Тебя, Али, — поэта и бойца.
Ты воспевал Советскую державу,
Ты славил землю правды и труда,
И ты врагам не продался за ржавой
Колучей проволокой в три ряда.
По вечерам, в тоскливом полумраке,
Вокруг себя ты собирал людей,
Твой гордый стих звучал в сыром бараке,
И лица становились веселей.
Ты говорил: «Придет заря с Востока!» —
И люди видели ее вдали.
Не дожил ты до радостного срока,
В глухих застенках умер ты, Али.
...Звонят ветра над вольной Украиной,
Плывут над степью мирные гудки,
И землю облетает тополиный
Крылатый пух, и буйно у реки
Цветут сады, и, колос набирая,
Шумят хлеба под небом голубым.
Прекрасно утро солнечного края,
И тем сильнее мы о тебе скорбим.

У ТВОЕГО ОКНА

Смолкли птицы, и ветер утих,
И вершины окутала мгла:
Сто гостей у подружек твоих,
Ты одна никого не ждала,
Ты уснула, Лейла.

Над горами восходит луна,
Будет ночь и тиха и светла;
Только нет мне покоя и сна,
Ты мне сердце огнем обожгла,
Я тоскую, Лейла.

Я пришел на закате сюда,
На исходе весеннего дня;
Ни одна не сверкала звезда,
И никто не заметил меня;
Как безумно хотел я тогда,
Чтобы ты хоть на миг подошла,
Дорогая Лейла!

Но потух, как свеча, этот день,
Пастухи разложили костры,
И моя одинокая тень
Удлинилась до самой горы,
И напрасно до поздней поры
Я тебя поджидал у села, —
Не пришла ты, Лейла.

Я мечтаю о встрече, пойми,
Я тебя ожидаю давно.

Так не мучь ты меня,
Не томи,
Отвори на минуту окно,
Подари мне немного тепла,
Улыбнись мне, Лейла!

1950

КУРТЛУ ОМАР

(Кабардинская легенда)

В далекие, лихие времена,
Когда князья владели Кабардою
И люди, ослепленные враждою,
Не ведали ни отдыха, ни сна,
Как раз тогда в долине Лашкуты
Охотился с дружиною своею
Князь Атажукин. Гончих не жалея,
Он целый день до самой темноты
Преследовал джуктуров круторогих;
Но вот последний луч из-за горы
Скользнул и замер на седых отрогах,
И на поляне вспыхнули костры.
Рабы засуетились. На привале
Запахло вкусным шашлыком... Вокруг
Раскинулся росистый, пряный луг,
Алмазные созвездия сверкали;
За облачной волнистою грядой
По никому не ведомой дороге
Спокойно плыл над спящей Кабардой
Заре навстречу месяц меднорогий.
Ни огонька. Ни звука. Тишина.
И князь воскликнул: — Эта ночь прекрасна,
И мне бы не хотелось, чтоб напрасно
В обычных снах прошла у нас она.
Пусть каждый здесь, с Омара начиная,
О чем-нибудь расскажет нам сейчас.
Живая сказка иль скупой рассказ —
Всему внимать согласен до утра я! —
Куртлу Омар ответил: — Я готов.

Что рассказать мне — выбирайте сами:
Что собственными видел я глазами
Иль то, о чем с чужих я знаю слов?
— Дурное ухо слышит всё на свете,
А правду видит только зоркий глаз! —
Промолвил князь. Слова услышав эти,
Вздыхнул Омар и начал свой рассказ:
— Пусть, выслушав мое повествованье,
Ни хитрости, ни лжи, ни порицанья
В нем князь не ищет. Я всего лишь раб,
Я стар теперь, я немощен и слаб,
А были дни — не ведал я позора
И с горьким страхом не был я знаком;
Я пас коней в те годы у Анзора
И слыл в Залуке первым смельчаком.
Сдружился я в ту пору с Измаилом,
Он тоже был табунщиком лихим,
И если дня не виделись мы с ним,
То этот день казался нам постылым.
Мы были счастливы, и, может быть,
Мы никогда б не дожили до горя,
Но как-то в задушевном разговоре
Он предложил союз с ним заключить.
Он мне сказал: «Омар, докажем людям,
Что можно жить, не путаясь во мгле;
Пусть мы с тобой живым примером будем
Нерасторжимой дружбы на земле!
А для начала первую услугу
Немедленно окажем мы друг другу:
Ты в мой аул отправишься со мной,
И там ты назовешь своей женой
Красивейшую девушку. Но ты

Ответишь мне услугой на услугу:
В своем ауле верную подругу
Ты мне отыщешь равной красоты».
Я беден был. Красавицы аула
С презрением глядели на меня,
Но, гордое спокойствие храня,
Я согласился... Время промелькнуло,
И постепенно на душе моей
Сама собою улеглась тревога.
Однажды в ночь мы подняли коней,
Нас ожидала дальняя дорога...
Нас окружили праздничной толпой
Веселые нарядные джигиты,
И в честь меня был начат шумный той,
И были овцы лучшие забиты.
И девушки, смеясь, вокруг меня
Пустились в пляску огненную разом,
Блестящими монистами звеня
И у страдальца отнимая разум.
Во мне вскипела кровь. А Измаил,
Тихонько наклонясь ко мне, спросил:
«Вот все они сейчас перед тобою,
Кого из них ты назовешь женою?»
Ну что ж, я выбрал... «Погляди, мой друг,
Ты видишь ту, что с лентой голубою,
Чьи брови черные, как тонкий лук,
Как лук упругий, стянутый дугою?
Ее красу ни с чем сравнить нельзя;
О, если б стала девушка такая
Моей женой, — не только бы князя,
Мне б ангелы завидовали рая.
Люблю ее!» И верный Измаил

Не скрыл довольной, радостной улыбки:
«Твои глаза не сделали ошибки,
Мою сестру, Омар, ты полюбил;
Она тебе достойная подруга,
Будь верен ей, храни ее покой!»
И, отозвав сестру свою из круга,
Он наш союз скрепил своей рукой,
Он ей сказал: «Зулу, пора настала
Отдать Омару сердца юный жар.
Стал братом для меня Куртлу Омар,
А ты ему женой сегодня стала!»
Ответила Зулу: «Кто б ни был он, —
Твое желанье для меня закон;
Я за слова свои всегда в ответе:
Он будет мне дороже всех на свете!»
И снова в круг вошла его сестра,
И шумный той, как прежде, продолжался,
Но Измаил со всеми попрощался
И мне сказал: «В дорогу, брат, пора!
Нам до рассвета возвратиться надо,
И потому нам торопиться надо,
Наш путь далек, а небо все светлей».
И мы тотчас вскочили на коней.
Навстречу нам стрелой неслась дорога,
И дробь копыт сливалась в ровный гул.
Он крикнул мне: «Теперь совсем немного
Пути осталось, скоро твой аул;
Какой прием я встречу у Омара,
Каких красавиц он покажет мне!»
И вздрогнул я, как будто от удара,
И чудом удержался на коне.
Мое смущенье Измаил заметил

И, все поняв, он мне хотел помочь:
«Мы к табунам вернемся на рассвете,
А в твой аул уедем завтра в ночь.
Мы много верст с тобою проскакали,
Не грех и нам немного отдохнуть,
Поспим часок — и вновь продолжим путь,
А сон развеет все твои печали!»
Мы бурки постелили на траве;
Мой друг уснул. А я вздыхал угрюмо,
И медленно рождались в голове
Тяжелые, предательские думы.
Я знал: за лесом ширится восход,
И снова — в путь, и это будет скоро;
И я решил: пусть лучше друг умрет
И не увидит моего позора.
И вот тогда клинок я молча сжал
И, как змея, подполз к нему украдкой.
Сверкнул в руке отточенный кинжал
И в грудь его вошел по рукоятку.
Облитый кровью, корчась и хрипя,
Он задыхаясь вымолвил с тоскою:
«Чтоб в муках умирал ты... Чтоб тебя
Съедали черви каждою весною...»
И с той поры, едва придет весна,
Как я не знаю ни минуты сна,
Мне язвы точат немощное тело,
И я на стены рвусь остервенело
И не могу ни лечь, ни встать, ни сесть;
Напрасно к небу руки я воздену —
Спасенья нет. Страшна любая месть,
Но нет страшнее мести за измену!

МИР ПОБЕДИТ

Еще повсюду на планете живы
Следы войны, — но снова Уолл-стрит,
Мир отравляя проповедью лживой,
Невиданной войною нам грозит.
Но рыцарям и слугам капитала
Мечту людей не расстрелять свинцом,
И новой битвы грозное начало
Для них бы стало роковым концом.
По всей земле — от тундры до Памира,
От Африки до Гималайских гор —
Крепя ряды, борцы за дело мира
Огню войны встают наперекор.
Мы не забыли грохот канонады
Над берегами Вислы и Невы,
Пылающие стены Сталинграда,
Майданека зияющие рвы.
Не для того сегодня на планете
Мы хлеб растим и строим города,
Чтоб атомные бомбы на рассвете
С лица земли их стерли без следа.
Мир победит! Тому порукой сила,
Не знающая виз и рубежей,
Которая людей объединила
В борьбе за мир, за будущность детей,
За то, чтоб солнце вешнее сияло,
Леса шумели и цвели поля,
Чтоб темными ночами не стонала
Израненная бомбами земля.
И я горжусь, что в славной битве

И, все поняв, он мне хотел помочь:
«Мы к табунам вернемся на рассвете,
А в твой аул уедем завтра в ночь.
Мы много верст с тобою проскакали,
Не грех и нам немного отдохнуть,
Поспим часок — и вновь продолжим путь,
А сон развеет все твои печали!»
Мы бурки постелили на траве;
Мой друг уснул. А я вздыхал угрюмо,
И медленно рождались в голове
Тяжелые, предательские думы.
Я знал: за лесом ширится восход,
И снова — в путь, и это будет скоро;
И я решил: пусть лучше друг умрет
И не увидит моего позора.
И вот тогда клинок я молча сжал
И, как змея, подполз к нему украдкой.
Сверкнул в руке отточенный кинжал
И в грудь его вошел по рукоятку.
Облитый кровью, корчась и хрипя,
Он задыхаясь вымолвил с тоскою:
«Чтоб в муках умирал ты... Чтоб тебя
Съедали черви каждою весною...»
И с той поры, едва придет весна,
Как я не знаю ни минуты сна,
Мне язвы точат немощное тело,
И я на стены рвусь остервенело
И не могу ни лечь, ни встать, ни сесть;
Напрасно к небу руки я воздену —
Спасенья нет. Страшна любая месть,
Но нет страшнее мести за измену!

МИР ПОБЕДИТ

*Е*ще повсюду на планете живы
Следы войны, — но снова Уолл-стрит,
Мир отравляя проповедью лживой,
Невиданной войною нам грозит.
Но рыцарям и слугам капитала
Мечту людей не расстрелять свинцом,
И новой битвы грозное начало
Для них бы стало роковым концом.
По всей земле — от тундры до Памира,
От Африки до Гималайских гор —
Крепя ряды, борцы за дело мира
Огню войны встают наперекор.
Мы не забыли грохот канонады
Над берегами Вислы и Невы,
Пылающие стены Сталинграда,
Майданека зияющие рвы.
Не для того сегодня на планете
Мы хлеб растим и строим города,
Чтоб атомные бомбы на рассвете
С лица земли их стерли без следа.
Мир победит! Тому порукой сила,
Не знающая виз и рубежей,
Которая людей объединила
В борьбе за мир, за будущность детей,
За то, чтоб солнце вешнее сияло,
Леса шумели и цвели поля,
Чтоб темными ночами не стонала
Израненная бомбами земля.
И я горжусь, что в славной битве этой,

Которую с войною мы ведем,
Мою отчизну, родину Советов,
Я вижу на краю передовом!

1954

Азрет Будаев

ТЕЛЕФОН

*Р*учку дергает завфермой
И в половник черный дует
И кричит: — Алло, товарищ,
Вот я сводку передам! —
А старик Азнор вздыхает
И украдкой негодует:
Разве можно чей-то голос
Услыхать по проводам?!
— Принимай! — кричит завфермой,
И в блокнотах шелестящих
Он отыскивает цифры,
Отмечая их пером;
Видно издали Азнору:
У стены поставлен ящик,
И половник этот странный
Прикреплен к нему шнуром.
Вот и переданы цифры
И прощальные приветы;
Говорит Азнор сердито:
— Не валяй-ка дурака!
Разве может дальний голос
Услыхать машина эта?

Слишком молод ты, приятель,
Чтоб дурачить старика...
— Разве кто-нибудь захочет
Обмануть у нас джигита?
Это — умная машина,
По прозванию телефон;
А не веришь — сам послушай,
Только ручку поверни ты,
И тебя в одно мгновение
С кем угодно свяжет он. —
Головой старик качает,
Но берет половник в руки:
— Вот бы нынче было кстати
Побеседовать с женой,
Я б сказал ей — ты пришли мне
Бурку новую и брюки,
Если в самом деле слышен
Издалёка голос мой.
Вдруг он вздрогнул: из аула
Говорит с ним председатель:
— Брюки вышлем, не волнуйся... —
Но Азнор ошеломлен,
Он половник черный гладит,
Тихо шепчет он: — Приятель,
Поклонись тому джигиту,
Кто придумал телефон...

Поднимись на Минги-Тау,
И увидишь ты:
Вечный лед лежит, не тая,
Родники — чисты.
То рассвет над ним багряный,
То туман густой,
Точно зонтик он нежданно
Поднял над собой.
Говорят, что Минги-Тау —
Грозная гора,
Что вершина Минги-Тау,
Словно меч, остра.
Но собрались альпинисты
Утренней порой
И ушли тропой росистой
На войну с горой.
Все, что есть у них с собою, —
Пояс, нож, кирка,
А оступишься ногою —
Пропасть глубока!
«Не спасет вас нож и пояс,
Всё развею в дым», —
Говорил, туманом кроясь,
Минги-Тау им.
Их обвал стерег у брода,
Ослеплял их снег,
Но сильнее, чем непогода,
Храбрый человек.
И, закатом озаренный,

В розовых лучах
На вершине покоренной
Гордо взвился флаг.
И, вздыхая, Минги-Тау
Им сказал: «Увы,
Я старее, вы храбрее,
Победили — вы!»

ВСТРЕЧА С ЗИМОЙ

1

Снег по свету рассыпая,
Облетев простор степной,
Вьюга белая слепая
Все оденет белизной.

Ляжет белым покрывалом
На ущелье, на скалу,
Куропаток ветром шалым
Сбросит ночью вниз, во мглу.

Тяжело дыханье вьюги:
Станет лед речной мостом;
Воды вольные в испуге
Заструятся подо льдом.

По ущельям вьюга бродит,
Снег сгребает по пути;
Перевалы загородит —
Не проехать, не пройти!

Обожжет лицо морозом,
Загудит вовсю: гу-гу!
По тропинкам да покосам
К нам придет зима в снегу.

Зиму встретим наготове,
 Сена вдоволь запасем;
 Сбережем мы поголовье,
 Позаботясь обо всем.

Косовица, косовица,
 Многогривные луга!
 Можно будет подивиться,
 Как поднимутся стога!

Тучи в небе потемнели.
 Эй, друзья! Близка зима!
 Уберите до метели
 Сено, сочные корма!

Тот, кто корм скоту готовил,
 Путь найдет к стогам во тьме.
 Запасем мы сена вдоволь,
 Подготовимся к зиме!

Над поляной паутина,
 Осень поздняя тиха;
 Наедается скотина
 Сочным сеном пастуха.

Пусть дохнёт мороз суровый,
 Пусть промерзнет луг седой, —
 У Жаммота все коровы
 Обеспечены едой!

Хабиб

БАКСАНСТРОЙ

Поток, сдвигая скалы в иступленье,
Свергался из теснин, как водопад.
Кто видел, как взбешенные олени
В любовной схватке лес в горах крушат?

Так зверь-река ты, норовом крутая,
Катила, все ломая, пенный вал:
Баксан, в горах дорогу пробивая,
Людей и скот — всё на пути смывал.

Но пробил час — свой черный нрав смирила
Досель неукротимая река —
Разумная навек сломила сила
Слепую злость, что правила века.

Как словом «Баксанстрой», друзья,
горды мы!

Заслуженная гордость! Все сердца
Пылают радостью неугасимой,
Глаза сверкают, счастьем нет конца.

Мы забываем запах керосина,
И в кизяке нужды нам больше нет,

И не коптит убогая лучина:
Нам ток дает тепло и яркий свет.

И озарил он в нашей шахте горной
Доныне погруженный в сумрак штрек,
И на колхозной пашне в путь просторный
С электроплугом вышел человек.

И сотрясает горы эта сила
Фабричным гулом, и, как днем, светлы
Дворы в ночных аулах — озарила
Река глухие горные углы.

Кто там в черном одеянье?

Это Долорес.

Кто трибун в свободном стане?

Это Долорес.

Дочь испанского народа,

В бой пошла ты за свободу,

Наша Долорес.

Стойкость, мужество, отвага,

Всё вперед, назад ни шагу —

Это Долорес.

Чей порыв, в борьбе неистов,

Страшен полчищам фашистов?

Нашей Долорес!

Чьи слова летят, как стрелы?

Чьи дела светлы и смелы?

Нашей Долорес.

Кто с бойцом в окопе дружен?

Кто в тылу кует оружие?

Всюду Долорес.

Воля — сталь, и сердце — пламя, —

Ты своей отчизны знамя,

Наша Долорес.

Так прими слова приветов

От далекого поэта,

Долорес!

Пусть путем побед идет,

Ибаррури, твой народ!

СЕРГО

Огни пожаров над Кавказом
Всё выше — за стеной стена.
Стреляют пушки раз за разом,
Дробь пулеметная слышна.

С высоких гор, из тьмы ущелий
Слетались стаи партизан,
И осыпали хвоей ели
Могилы умерших от ран.

И в армию слились отряды
И одолели перевал,
Где сотнями рвались снаряды,
Где град свинца — как черный шквал.

Кто этот всадник, грозный мститель,
Чья шашка — беспощадный смерч?
«Как горные орлы, летите!
Вперед! Победа или смерть!»

Да это он, борец свободы,
Он, революции солдат.
Его Серго зовут народы,
Он всем кавказцам друг и брат.

Со шлема свет струила алый
Пятиконечная звезда:
Она дорогу озаряла
К победам в страшные года.

Серго! Ты с нами средь пожарищ
Делил опасность и досуг —
Наш полководец и товарищ,
И в час беды надежный друг.

ЛЕНТЯЙ

Лентяй всегда лентяй —
Он только дело портит.
Скажи ему: «Вставай!»
А он: «Пошел ты к черту!»

На поле он ползком
Ползет, как черепаха.
Зато к еде бегом
Бежит, схватив папаху.

Все валится из рук:
«Ах, полю нету края», —
И он бросает плуг,
С работы удирая.

Он хнычет: «День велик.
Ох, рученьки устали!»
Повяжет свой башлык —
И поминай как звали!

Лишь солнце на зенит,
И — словно дедка старый —
Лентяй уже храпит
В тени густой чинары.

РАУЗАТ

Не чинара ль машет веткой
Возле нашего плетня?
Нет, то девушка-соседка —
То Раузат зовет меня.

Не худа, не белокожа,
Стройный стан и темный взгляд —
Как задорна, как пригожа
Смуглолицая Раузат!

На плетень взлетела смело
И, как птица на сучке,
В золотых лучах запела
Песнь на русском языке.

Старых нравов нет в помине.
Ай-ай-ай! Что скажешь тут —
Девушки горянки ныне
Песни русские поют!

ЛУННЫЙ СВЕТ

Тишина, как большая птица,
Парит... Серебрится луна.
Призрачный свет струится
Подобьем волшебного сна.

Говорят — рассыпав иголки,
Все сыщешь ночью такой...
Веет прохладой колкой
В лунную ночь над рекой.

Говорили встарь конокрады:
«Для угона ноченька — клад»...
В эту ночь молодые бригады
Ароматное сено копнят.

Соревнуется с парнем подруга:
«Ну, давай! Кто кого? Поднажмем!»
И над блеклою зеленью луга
Зубья вил зацвели серебром.

Свет, с блестящим бисером схожий,
Сыплет луна во всю мочь:
Стойкость и пыл молодежи
Проверяет она в эту ночь.

Максим Геттуев

ГЕРОЯМ БЗЫ

В 1919 году в Хулано-Безенчийском ущелье в местности Бзы банда Серебрякова-Даутокова расстреляла девятнадцать героев, боровшихся за советскую власть.

Поле Бзы, ты помнишь час расстрела?
Лег на травы дым пороховой,
Маленькая ласточка несмело
В первый раз взлетела над скалой.

Поле Бзы, как быстро время мчится,
Как весною ясен небосвод!
В синем небе ласточка кружится,
В синем небе ласточка поет...

Мирно спите, мертвые герои!
Все вокруг прозрачно и светло;
Голубою утренней порою
Поле Бзы над вами зацвело.

Пусть летят стремительные годы,
Но во все века и времена
В благодарной памяти народа
Будут живы ваши имена!

ПАМЯТИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

Ты вел с орлами разговор,
Ты воспевал родной простор,
От вечных льдов до южных гор
Ты, Сулейман, повсюду с нами.
Поют станки в строю стальном,
Растет в тайге за домом дом,
И в этом гуле трудовом
Ты, Сулейман, повсюду с нами.
Стоим ли мы у стен Кремля,
Идем ли с песней на поля,
Врубаемся ли в пласт угля, —
Ты, Сулейман, повсюду с нами.
Тот, кто от родины вдали
В тумане водит корабли,
Кто бережет покой земли,
Тот знает — ты повсюду с нами.
Кто сердцем чист и смел душой,
Кто дорожит своей мечтой,
Кто верен партии родной,
Тот знает — ты повсюду с нами!

У ПАМЯТНИКА ЛЕРМОНТОВУ

Здесь, у подножья Машука,
Как молодость вторая,
Твоя железная строка
Живет, не умирая.
Живет, и люди без конца
К тебе идут с поклоном
За то, что стих твой жег сердца
Металлом раскаленным,
За то, что пал ты, как в бою,
Не дорожа собою,
Навеки слив судьбу свою
С народной судьбою!

Кайсын Кулиев

ПРИВЕТ, УТРО!

Утро со светлым лицом,
С пеньем проснувшихся птиц,
С хлопотами людей,
Утро мое, привет!

Звонким садам привет,
Зрелым плодам привет,
Ветру, бегущему с гор,
Свежему ветру привет!

Шлю вам привет, облака,
В Грузию уплывающие,
Мнущие травы девушки,
В росах бахчи, привет!

Ты, черноглазый малыш,
Мой белозубый малыш,
Смейся в зеленом дворе,
Мальчик, тебе привет!

Я, как и ты, окунаюсь
С песнею, с детским смехом

В это росистое утро,
В этот сияющий мир.

Шелесту листьев кланяясь,
Кланяясь ясному небу,
Кланяясь радости детской,
В шумное утро вхожу.

1937

Я только вестовая
Заоблачных снегов.

И пена, точно стружка, —
Единственный мой груз.
Я — горная речушка,
Я к морю тороплюсь.

Такой у нас характер,
Капризен и упрям.
Но, говоря по правде,
Без нас не быть морям.

1938

ГОРНАЯ БАЛЛАДА

Рождайся, как обвал, баллада,
Строка — орлиных крыльев взмах.
Стремись вперед сквозь все преграды,
Как всадник, скачущий в горах.

Ты отрази так ясно горы,
Как утром буйвола глаза,
И скачку всадников, и шорох
Травы, и дальние леса.

Тебе стремительной быть надо,
Как молний блеск, как стук подков.
Ты слышишь ли в горах, баллада,
Весенний зов, олений рев?..

Машина мчит, и конь за нею
Не отстает на всем пути...
Баллада горная, быстрее,
Не отставай от них, лети!

Как будто свист погони сзади,
Летит машина все быстрее,
А следом в бурке мчится всадник,
Как будто гонится за ней...

Машина встала. В клубах пыли
Домчался всадник, и с коня
Пожали руки, прикурили.
И дальше в путь, в сиянье дня.

Орел с высот своих победных
На горы, как владыка гор,
Взирает. Две реки соседних
Никак не кончат разговор.

Зашедшим в горы пионерам
Гроза испортила маршрут,
И в шерстью пахнущих пещерах
Они нашли себе приют.

И козы на скале заснули,
Охотник сжал винтовки сталь,
А гордый тур, как в карауле,
Застыв над стадом, смотрит вдаль.

И, видя, как он гордо замер,
Стрелок заколебался вдруг.
Как будто высечен из камня,
Тур со скалы глядит вокруг.

Но ветер потянул прохладой
И ноздри тура дух людской
Ожег. Хотел он прыгнуть к стаду,
Чтоб дать сигнал тревожный свой.

Но выстрел огласил раздолье,
Дорогу преградив ему,
И вот, закрыв глаза от боли,
Он в пропасть валится, во тьму.

На миг открыв глаза, он стадо
Увидеть думал, но не смог,

А увидал последним взглядом
Небес кровавый уголок...

Летит машина. Солнце село.
Догнал нас ливень в блеске брызг.
Мы, как в поэзию Пшавелы,
Под гром в ущелье ворвались.

Кинжалами звенели струи,
Сек сильный ливень скал тела.
Но, разрывая мглу сплошную,
Машина наша шла и шла.

Как вражьи части, ливень спорый
Нам ставил тысячи преград,
Стремясь закрыть дорогу в горы,
Остановить, погнать назад...

Из полного дождем ущелья
Въезжаем в праздничный аул.
В одном доме царит веселье.
Зурна играет. Топот. Гул.

Тут затанцует и калека:
В колхозе горном знатный пир, —
Сегодня свадьба Темирбека,
Женился лучший бригадир.

Вновь за машиной всадник скачет.
Ущелье сзади. Тишина.
И высоко орел маячит.
И далеко поет зурна...

В горах на тех глядят с досадой,
Кто хлещет доброго коня.
А я хлестал тебя, баллада.
Пусть Тихонов простит меня.

1940

УЧИТЕЛЬ БОРИС ИГНАТЬЕВИЧ

Родился он в русской деревне,
Где ночи от снега светлы,
Где летом роняют деревья
Пахучие капли смолы.

И вот привели его ноги
К нам в горы
на старости лет
Изведать такие дороги,
Которых на родине нет.

Извилисты, круты и узки,
Пред ним они в узел сплелись,
Но он терпеливо, по-русски,
Все шел, все карабкался ввысь.

Он шел с вдохновенным упорством,
Ни бурь не страшась, ни грозы,
Втолковывал маленьким горцам
Премудрости школьной азы.

И вновь довелось мне родиться
В тот солнечный день сентября,
Когда я сидел над страницей
Раскрытого им букваря.

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг

Зовущий, как мир,
и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал,
задыхаясь от слез, —
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.

Сквозь годы,
лишения, старость
Всегда мне маячит с тех пор
Мятежный, стремительный парус,
Летящий в бескрайний простор...

Учитель мой, добрый и милый!
Прости мне былые грехи.
Я вместо цветов на могилу
Принес тебе эти стихи...

1945

НАД СТАРОЙ КНИГОЙ ГОРСКИХ ПЕСЕН

Памяти Эффенди Кашиева

Горянка песни многие сложила.
Я знаю песни девушки-красы,
Что сердца боль в стихи свои вложила
И волосы сложила в две косы.

И среди строк певучих и звенящих
Я вижу черные глаза, потом
Наездников, ущельями спешащих,
И тонких рук девических излом.

И взмах бровей, и тонких губ движенья, —
Они живыми снова предстают,
Погибшие в бесчисленных сраженьях,
Тут из могил храбрейшие встают.

И девушка, заслышав топот строгий,
«То черноусый, скажет, мой жених».
Другая смотрит, смотрит на дорогу, —
Он из-за гор появится ночных.

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но раненый отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою.

А горец, с гор и в дождь пришедший ночью,
Он тяжело бурку мокрую волочит.

И смуглая жена бежит навстречу,
Прижавшись к жесткой, мокрой бороде,
Его целует; бурку взяв на плечи,
Относит в дом на турий рог надеть.

Шум горных рек — ему в ущелье тесно, —
Став струнами, по сердцу пробежит,
И прошлое, встающее из песен,
Как будто ветром надо мной шумит.

Под солнцем гор сияют великаны,
Сверкающие наискось клинки,
И перевал, и снег в крови, багряный,
На головах героев башлыки.

Вы, песни мне оставившие эти,
Похвал за подвиг в мире не искав,
Идя за сердцем, и за всё в ответе,
«А если я погибну», — не сказав,

Вы сравнивали в песнях зубы милых
Со снегом гор, над пропастью вися,
За эти строки первозданной силы
Ни у кого оплаты не прося.

И как река — не течь она не может, —
На мир глазами чистыми смотря,
Вы, как река, творили песни тоже,
«На что они нужны!» — не говоря.

Примите же вы мой поклон глубокий,
Вы живы, вы со мною наяву,

Коротких дней, как вы, имея сроки
Я, в песни превращая их, живу.

Одна дорога, хоть дорог и много,
Все реки к морю держат путь, звеня,
Последним шагом кончу я дорогу,
Как вы свою кончали до меня.

Ну, что же, той дорогою одною
Идем мы с песней, всё в нее вложив,
И самое, что встретим, дорогое
Мы оставляем, в песни превратив.

Не может птица не летать, — и скажем:
Так песни мы рожаем в добрый час,
Уходим мы из мира, песням нашим
Давая жить гораздо дольше нас.

Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным, молодым
Мы с радостями многими земными
Оставим песни — наш подарок им.

Как птицы, песни старые летают,
В них прошлое живет всего сильнее,
В них время сердце века оставляет,
В них бродит ветер отшумевших дней!

1947

РАЗГОВОР С ДОЖДЕМ

Дождь, ты — рассказ, который слышал
в детстве,
На муле сидя, между гор теней,
Когда я ехал с взрослыми в соседстве,
Беседу слушал, стук копыт коней.

А помнишь ты, как в Бедике¹ лежал я
Под буркой летом в жарком полусне,
И только-только чутко задремал я —
Ты прилетел, словно приснился мне.

И, словно став абреком говорливым,
Так пробежал, промчался по горе,
Как будто мне шумел ты торопливо:
«Пусти под бурку, спрячь меня скорей!»

Ты помнишь, дождь, как будто был ты ранен,
От кровной мести мчался в буерак,
Ты сыпал так, по бурке барабанил —
В сухой тулук² зерно ссыпают так.

А помнишь, дождь, как в самом детстве раннем,
Омыв деревья, заставлял скорей
Цвести их, чтобы их благоуханье,
Как лужи, — радость было для детей.

¹ Бедик — название пастбища.

² Тулук — мешок из овечьей кожи.

Когда же исчезал ты за горами,
Таких высот я видел разнобой,
Что мне они казались ступенями,
И звали мир все выше за собой.

Дождь, помнишь ты меня еще ребенком, —
Босой по лужам бегал под дождем,
Без шапки и в штанах промокших тонких,
Что значит горе, я не знал о том.

Дождь, помнишь ты, тебя хвалила мама —
Картошку, кукурузу ты поил,
Чабан Джанхот ругал тебя упрямо:
В дырявой бурке — дождь ему не мил.

Дождь, помнишь ты, как Нафисат, девица,
Которую впервые я любил,
Пошла к Чегему, чтоб воды напиться,
Ты ей без спросу косы замочил.

Дождь, для меня ты сказкой был и песней,
Твой любил я радуги в горах,
Ты шел, похож на песню, что чудесней
Всех песен гор, что пелись на пирах.

С тобою мы с тех пор похожи стали
На тех, кто шел дорогой боевой,
На тех, кто вместе жили, воевали,
Кусок делили хлеба кочевой.

Хочу, чтоб все на свете были сыты,
Раз нет тебя — и хлеба нет в краю,

Милей полям, садам ты, чем пиитам,
Ты друг людей, тебя за то пою.

Поэзия и ты — друзья издревле, знаю,
Ты радугой своей нам детство озарил,
И потому стихи тебе я, дождь, слагаю,
Когда я слышу шум твоих веселых крыл.

1949

* * *

На гроздья винограда пала снова
Кровавая холодная роса,
И снова тень побоища бывшего
Легла на пашни, горы и леса.

Не раз на плечи тонкие ребячьи
Ложилось злого ворона крыло...
Непобедимы свежий хлеб горячий,
Пеленок детских вечное тепло!

1953

РОДНОЙ ЯЗЫК

В тебе тепло есть материнской груди
И запах трав родных тебе полей,
Вся свежесть рощ в твоих словах пребудет,
Как молоко балкарских матерей,

Вкус испеченного родимой хлеба
И взоров материнских теплота,
Тепло родного очага и неба,
Где майского рассвета чистота,

Лавины снежной грохот одинокий
И турий бег, отвесная скала,
Удар меча героя и далекий
Тот клекот ввысь летящего орла,

Звон родника, раскаты бури снова,
Зной солнца и вечерний мир полей,
И голос гнева в час беды суровой,
И воркованье нежных голубей.

В день горя ты, как посох, нам хорош,
В день радости ты, как зурна, поешь,
Родной язык, ты юности язык,
Родной язык, ты верности язык.

1955

ТЕНЬ ОРЛА

«**К**ак увидим орлиную тень на скале,
Нам удачу большую пошлет Абсаты!» —
Так сложили охотники гор, не полей
Эту песню, слова у которой просты.

На заре шли в охотничий горный поход
И, удачи не встретив в пути ни одной,
Всё же пели: «К нам счастье дорогу найдет,
Тень орла на скалу упадет все равно!»

Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»

1956

ХЛЕБ И РОЗА

Хлеб и роза, вы — сердце поэзии всей.
Вы — вселенной краса, радость наших детей.

Мы лежали в окопах, у гибели в лапах,
Но сквозь дым ощущали победный ваш запах!

Хлеб и роза! Не сгубит вас черное зло.
Вы живете, чтоб счастье людское цвело.

Хлеб и роза! Вы — труд наш, вы — наше
богатство.
Миру с вами вовеки веков не расстаться!

1956

РАССВЕТ

Когда рассвет войдет в окно,
Когда родится новый день, —
Я снова рад, я мальчик вновь,
Когда рассвет в окно войдет.

Как будто снова будит мать:
— Вставай, сынок!
Рассвет пришел!

В такую рань у нас в горах
Будили матери детей!

И свежий ветер прилетал,
Студил горячее лицо,
И гор серебряных верхи
Блестели весело вдали.

Спросонок вскакивали мы
И выгоняли на луга
Коров ленивых, а потом
Бежали шумно по домам.

И теплым молоком парным
Поила мать меня тогда,
И хлебом теплым и парным
Меня кормила утром мать.

И нынче, что ни утро, жду,
Что повторится это вновь,
Когда рассвет войдет в окно
И заблестят верхи домов.

1956

* * *

С малолетства дóроги мне те,
Кто дворы и улицы метут
Раным-рано, на заре, когда
Спят и старики и детвора.

Видят раньше всех они рассвет,
Начинают новый день они,
Гонят ночь и очищают мир
В час, когда все крепко спят еще.

И по чистым улицам, смеясь,
Дети в школу поутру идут,
И сияет солнце в их глазах,
И слышна их песня далеко...

Из дому иду, встречаю их,
Подметавших улицы, дворы.
Первыми приветствую я их:
— С добрым утром!
С добрым новым днем!

1957

ОГОНЬ ОЧАГА

Пока огонь есть в очаге твоём,
Тебе не страшно ничего на свете:
Он греет всех, и хлеб печется в нём,
Довольны жизнью старики и дети.

Не раз огонь родного очага
Нам враг хотел задуть, добратся сиюсь,
Когда свирепые клинки врага
Над родиной моею заносились.

Но как веками ни старался враг,
Чтоб он погас, — врагу не удавалось.
В конце концов опять горел очаг,
А горести в прошедшем оставались.

За жизнь, за очагов своих тепло,
За то, чтоб пламя вечно трепетало,
Как много гордых храбрецов легло,
Как много крови их земля впитала.

Кровь храбрецов не зря рекой текла,
Не зря мы защищались, насмерть стоя;
Огонь не гаснет, горяча зола,
Жар очагов похож на кровь героев.

Родной очаг — немеркнущий мой свет!
Жить без тебя и горестно и грустно,
Огонь не греет, в пище соли нет,
И лучший хлеб нам кажется невкусным.

Для нас ты — трудолюбие отцов
И матерей сердечная забота,
Пожатые друга, девушки лицо,
Луна и солнце, радость и работа.

Враги огонь гасили. Но во мгле
Мы защищали вновь его упорно,
И снова хлеб растили на земле,
Как счастье — светлый и как горе —
черный.

И будет хлеб, и зазвучат в ночах
Родные песни в нашем гордом крае.
— Да не остынет наш родной очаг! —
Всегда я, как молитву, повторяю.

1957

Жанакаит Залиханов

НЕ УМЕР, НЕ УМРЕТ ЛЕНИН

Когда кровь проливалась
В беспощадной борьбе,
Груз тяжелый на плечи
Лег, народ мой, тебе —
Груз свинца и развалин,
Груз утрат и скорбей...
Тяжелы наши горы —
Этот груз тяжелей!
Только плечи народа
Крепче выступов скал;
Камень гнуться не может,
Как согнется металл —
Ведь особою силой
Крепок горный гранит:
Миллионы песчинок
Сплочены в монолит,
И простая песчинка
Превратилась в кристалл...
...Каждый тверже и чище
С революцией стал,
Ибо в дни испытаний
Сила мудрых идей,

Переплавив, сплотила
Миллионы людей.
Стала жизнью народа
На столетья вперед
Сила ленинских мыслей,
Что сегодня живет.

Ленин здесь, Ленин с нами,
Он живет и сейчас,
Он — бессмертная сила,
Окрылившая нас!

ЛОСЬ

Забуду я не скоро,
Как в детстве, в летний день,
Мы поднимались в гору,
А впереди нас — тень.

Стремилась мы скорее
Догнать ее в пути,
Узнать того, кто смеет
Быстрее нас идти.

Бежали мы гурьбою,
Бежали что есть сил,
И лось на нас с тоскою
Свои глаза скосил.

Так это он? Решаем
Поймать его сейчас,
Но тень его, мелькая,
Ушла из наших глаз.

1940

В ГОДЫ ВОЙНЫ

*К*огда змея стальными кольцами
Европу злобно обвила
И на страну мою негаданно
Набросилась из-за угла,

Когда поля дымились взрывами,
А дети плакали во сне:
Они и в сновиденьях видели
Свое селение в огне, —

То мой народ поднялся сразу же —
Так поднимается рука,
Чтоб оглушить дубиной гадину,
Подползшую исподтишка.

Июнь, 1941 г.

* * *

Ни дня, ни ночи не зная,
Идет на земле война.
Детям снятся пожары,
А старикам — тишина.

И все, кто оружие носит,
Уже давно на коне.
Наши аулы в черном дыму,
И наши сады в огне.

А на пшеничных полях,
Волнующихся как море,
Сжигая колосья, сеет война
Рабство, гибель и горе.

Но враг пожнет народную месть —
Зарей полыхает знамя,
Стучат по камням копыта коней,
И клекот орлов над нами.

Летите, юноши наши, в бой!
Кони, как птицы, быстры,
И пусть окажется для врага
Последним ваш первый выстрел!

1943

ТОСКУЮ О ТЕБЕ

Шлю тебе привет, родной аул мой!
Без тебя мне не найти покоя,
Потому что сердце постоянно,
Где б я ни был, все равно с тобою.

И, закрыв глаза, я вновь люблюсь
Горных рек прерывистым теченьем
И белоголовыми горами,
И садов задумчивым цветеньем.

Солнце золотит на горных склонах
Соками налившиеся травы;
Охраняют там овец ленивых
Умные и злые волкодавы.

Конские копыта высекают
Искры из камней на горных кручах,
Пенятся, белея, водопады,
А вершины скал уходят в тучи...

А на сенокосах жарким летом
Слушать мы всегда бывали рады
Светлолицых девушек, чьи песни
Дышат освежающей прохладой.

На гулянье всем потеха — клоун,
Всюду прибаутки, песни, споры,
А потом под хлопанье в ладоши
Выбирают лучшего танцора.

Юноша застенчиво подходит
К девушке, заговорит он с нею —
И из-под платка царица танца
Выглянет, смущаясь и краснея.

А когда зима в горах наступит,
То скучнее жизнь не станет наша,
И пойдет по дружескому кругу
Полная бузою пенной чаша.

1946

* * *

Реки прозрачны, рощи густы,
У горных отрогов шумят поля, —
Сколько б здесь не жил, уедешь ты,
Жажду их видеть не утоля.

Чтобы лежать в родной стороне,
Готов хоть сейчас я здесь умереть, —
Только б успеть до рассвета мне
Еще раз страну мою осмотреть.

Берег Баксана, ущелье Чегем,
Фрукты, источники — всю благодать
Увидеть, почувствовать, а затем...
Уже не захочется умирать!

1946

* * *

Годы шли чередою,
А писать я не мог,
Словно заперта песня
От меня на замок.

Как до песни добраться,
Где ключи отыскать?
Говорил я: терпенье! —
И пытался опять,

Я нащупывал долго —
И подался запор,
И я выпустил песню
На весенний простор!

Что беречь ее в сердце?
Пусть умчится, звеня!
Настоящую песню
Сберегут без меня!

ПРАВДИВЫЕ СЛОВА

Всякий гордец потерпит провал,
Хоть бы он богом себя считал:
Не может удачно прожить свой век,
Ни с кем не советуясь, человек!

Ленивец наказан будет вдвойне.
Достаток он видит только во сне,
А в поле, которое наяву,
Лень ему вечно полоть траву.

Лгун извернется и так и сяк,
А все равно попадет впросак, —
Прямо не любо ему идти,
Вот и заблудится он в пути!

Путь кривотолков непроходим,
Но любит прикидываться прямым,
Хоть разберет и дитя и старик,
Где — переулок, а где — тупик.

1955

Т Е Б Е

Весело гостям, а ты все около,
Все не знаешь, чем еще порадовать,
Но, играя длинным черным локоном,
Успеваешь в зеркало заглядывать:

Яркую звезду Чолпан, наверное,
Ты увидишь там... Но черноокою,
Что сравнима разве с дикой серною, —
Можно ли назвать звездой далекою?

Ты — земная, милая и славная;
Что другому — труд, тебе — безделица;
Легкая рука, походка плавная, —
Пусть тебе дорога пухом стелется!

1956

НАША ПОЛЯНА

Шел по земле я, летел в облаках,
И как мне подняться теперь с колен,
Целую тебя, родная земля, —
Здравствуй, родной аул Гунделен!

Вершины деревьев коснулись небес,
Древние скалы и лес вокруг, —
Здравствуй, любимая сторона,
Мой долгожданный друг!

Я вижу, как изменился ты, —
Знакомых садов и в помине нет,
Куда ты их спрятал, отдал кому,
Где отыскать их след?

Сады молодые шумят везде,
Жизнь без меня продолжала путь,
Чтоб гунделенец, идя с полей,
В новой тени присел отдохнуть.

Апрель, 1956 г.

ЛУННЫЙ СВЕТ

И зогнутый месяц, как серп горя,
Плывет, рассекая ночь.
Не глядя на горы и на моря,
Лучи улетают прочь.

От этого света реки блестят.
А станет месяц луной —
Запенится призрачный водопад
Дымчатою волной.

Весь мир вокруг серебрит луна
В полуночный этот час,
Но, верно, красивее всех она
Освещает горы у нас.

Луна, проплывая ночной простор,
Прерви на мгновение путь,
Чтоб на вершины кавказских гор
Еще один раз взглянуть!

1956

МОИ ЛЮБИМЫЕ ГОРЫ

Гордыми вершинами белеют гор громады,
Точно на черкеске газырей ряды,
И дыханья гор бодрящую прохладу
Шелестом листвы приветствуют сады.

Горный воздух чист, и нет лекарства лучше.
Для людей — здоровье, для орлов — простор...
О, великий клад таится в горных кручах,
И его величие сродни величью гор!

О живой воде в расселинах суровых,
Что не устает стаканы наполнять,
Каждый будет рад замолвить людям слово,
Каждый будет рад вернуться к нам опять.

А когда уходишь лунной ночью в горы —
Слышен в тишине лишь под ногами хруст, —
Кажется тогда, что даже этот шорох
Слышит седоглавый великан Эльбрус.

О старик Эльбрус, седоголовый витязь!
Радостные годы близ тебя прошли...
Горные ключи, кипите, и клубитесь,
И навстречу людям рвитесь из земли!

Родина моя, — ущелья и долины,
Воздух горных пастбищ холоден и чист...
Бурями расчесывая снежные седины,
Богатырь Эльбрус любовно смотрит вниз.

Если б сто веков на свете люди жили,
Захотелось им сто первый век застать;
Если б все мечты они осуществили, —
Все равно б нашлось, о чем еще мечтать.

Но, хотя б столетьями стали жизни годы,
Мне бы не наскучило видеть никогда,
Как, встречая вновь закаты и восходы,
Розовеет медленно горная гряда!

1956

В ГОСТЯХ У ЭЛЬБРУСА

Я — твой сосед, Эльбрус мой горделивый,
Но ты ни разу в гости не позвал.
Ты знаешь: горцы страсть самолюбивы!
Без приглашенья я не приезжал.

И все ж пришел с хорошим русским другом
К тебе — отцу и стражу наших гор.
Но ты, как будто чем-нибудь напуган,
Шагнул во тьму, как в сумрачный шатер.

Всегда ты был чистосердечен, светел,
А нынче не узнать тебя, ей-ей!
А нынче ты густым туманом встретил
И первым снегом проводил гостей.

Ты позабыл закон земли кавказской,
Не забывай его, двуглавый, впредь:
С добром приедут люди — встретить их лаской,
Улыбкой белозубою их встретить!

Но на тебя мы с другом не в обиде.
К тебе в другой наведаемся раз.
Нарзан твой будем пить,
и, нас завидя,
Как истый горец, лаской встретишь нас!

1957

МЫ БРАТЬЯ

Много ветвей у дерева есть,
А листьев столько, что и не счесть.
Но ведь у листьев общий исток
И дорог дереву каждый листок!

Новый язык, другая страна...
Но ведь земля у людей одна,
Родственна жизнь на земле у всех,
И в единенье — общий успех!

Слова непохожи. Но до конца
Без слов друг друга поймут сердца,
Мир — хорошо, и плохо — война,
Разница эта везде ясна!

Правду на всех языках поймешь,
Ложь — одинаково всюду ложь,
Всюду похоже пожатые рук;
Враг — это враг, а друг — это друг.

Все мы, откуда бы ни пришли,
Равные дети общей земли!

1957

Сафар Макитов

О К Т Я Б Р Ъ

Ураган боев гремел в горах у нас;
Кровь текла ручьями меж камней.
Беднота за правду поднялась —
Это было Октября рождение.

На хозяев повернув штыки,
Шли за волю и за хлеб
в сраженья.

Женщины точили нам клинки —
Это было Октября рождение.

В азиатских выжженных степях,
В северных заснеженных просторах,
В саклях горных, стонущих в цепях,
Вспыхнули сердца,
как в ружьях порох.

Встали люди стороны родной,
Распрямылись и пришли в движение.
В битвах содрогнулся шар земной —
Это было Октября рождение.

Наш Октябрь на землю мир принёс.
Гибель капитала возвестил он.
Солнце счастья в небо поднялось,
Путь вперед народам осветило.

И народы многих стран земли
Распахнули двери новой жизни,
Ленинским путем вперед пошли,
К радостным вершинам коммунизма.

1938

ПИСЬМО

Я девушку любил когда-то очень —
День пережду и шлю письмо опять;
Она ж отмалчивалась, будто почерк
Была не в состоянье разобрать.
Уже невмоготу терпеть мне стало —
Ни встречи, ни единого письма!
И, наконец, она мне написала,
Не в силах, видно, вытерпеть сама.
«Мне чудится, что ты со мною рядом!
Сижу я, письмами окружена,
И белые листы ласкаю взглядом,
Хвостатые смешные письма.
Пусть неразборчивы, а мне все мило,
Томительно кружится голова, —
Письмо — не лист бумаги и чернила:
Из сердца капали твои слова...»
Не много проку в рукописи гладкой,
Где четки буквы и приятен слог,
Письмо — оно мне видится загадкой,
Чей главный смысл таится между строк!..

РАЗБИТАЯ ЧАША

У меня была цветная чаша —
Золотом отделан верхний край.
Я посудыны не видел краше...
Да разбилась чаша невзначай.
И теперь пьем чай совсем невкусный,
Потому что из стаканов пьем.
Видимо, от этого и грустно —
Мы из чаши пили чай вдвоем.

1946

МОЯ ПЕСНЯ

Я песню пел
На свой обычный лад,
И слушали меня
Учтиво люди.
Но вот один сказал:
— Послушай, брат!
Ты пой, как птица,
Это лучше будет! —
Другой сказал:
— Ты пел бы, как зурна! —
А третий:
— Как гармонь, пусть голос
льется! —

Советы хороши,
Да мера в них нужна.
Я буду петь,
Как самому поется.

1946

ВАШИ ИМЕНА НЕ ЗАБУДУТСЯ!

(Героям гражданской войны)

Мы ваши навек сохраним имена,
Родные балкарцы — герои.
О вас никогда не забудет страна,
Счастье народное строя.

Герои! Вы пролили кровь за народ.
Детей оставляли вы малых,
Когда отправлялись в геройский поход
И гибли в боях небывалых.

За счастье балкарцев, за счастье страны
Вы шли на штыки и под пули,
В суровые годы гражданской войны
С прямого пути не свернули.

И другом правдивым стал Киров для нас —
Посланец восставших рабочих.
Когда Калабеков погиб, то, склонясь,
Сам Киров закрыл ему очи.

Теперь ваши бюсты в своих городах
Народ благодарный поставит
И ваши дела боевые в веках
В сказаньях и песнях прославит.

Мы ваши в сердцах сохраним имена,
Родные балкарцы — герои,
И вас никогда не забудет страна,
Счастье народное строя.

1954

МАТЬ

Мы говорим простое слово «мать»
Всегда с любовью, с нежностью сердечной.
Она детей умеет понимать —
Для них душа ее открыта вечно.

Бессонных, полных трепета ночей,
Что коротала мать у колыбели,
Не окупить нам щедростью своей
За целый век, когда бы захотели.

Труд матери ни с чем сравнить нельзя,
Подобного не знает мирозданье.
Мать в жизни детям отдается вся —
До самого последнего дыханья.

Грудь матери дает ребенку жизнь,
А слово матери ему приносит радость.
Умейте той заботой дорожить —
И это будет матери наградой.

1954

ДЕТСТВО

О детство! Тебя не забыть мне.
Я помню, как шумной гурьбой
Ходили по ягоды в рощу,
Купались в реке голубой.

Порой с синяком возвращался
Глухими задворками в дом,
Слезу рукавом растирая
И глаз открывая с трудом.

Из кухонки мать выбегала
Тотчас же
 ко мне на крыльцо.
В тревоге на глаз мой смотрела,
Платком вытирая лицо...

Орлов вековые гнездовья
Искал я в расщелинах скал
И крупные темные яйца
В папаху свою собирал.

Веселое, шумное детство
Со светлой улыбкой в глазах!
Смеешься ты, как колокольчик,
Как солнце
 в родных небесах.

Бывало, в июльскую пору
В гулоч мы играли, в лапту.

Зимой же
в сраженьях горячих
Ловили снежки на лету.

Сегодня балкарские дети
Умеют иначе играть,
Поют они песни другие —
Смышленных «воителей» рать.

Они самолеты пускают
За выступом дальней скалы.
Летят серебристые птицы,
Боятся их даже орлы.

1954

БАЛКАРИЯ

Моя страна, Балкария родная,
Как верный сын, люблю, люблю тебя!
Твой каждый шаг успешный воспевая,
Твой каждый светлый день пою, любя.
Всем сердцем я люблю родную землю,
Ущелья, скалы и вершины гор,
Леса, что здесь тысячелетья дремлют
И украшают землю до сих пор,
Холодных рек серебряные струи,
Отесанные камни у дорог...
Я с лаской глажу, в руки их беру я:
Я уезжал из гор на долгий срок.
Соскучился по близким и знакомым,
По родине соскучился своей.
Сейчас я понял, стоя перед домом:
Отчизну я люблю еще сильнее.
Уж такова пословицы природа —
Поверие идет из года в год:
Тот, кто не любит своего народа,
Он не полюбит и другой народ.
Балкария! Страна моя родная!
Хоть дочь ты младшая у родины своей,
Но, унижений никогда не зная,
Живешь в союзе равных дочерей.
Так на пути невиданного счастья
Со старшими ты дружбу береги,
Чтоб не могло вас разлучить ненастье,
Чтоб не могли вас разлучить враги.
Альпийские луга, и в них — отары.

Как гнезда ласточек, дома кругом,
Они взбегают, по манере старой,
Вверх, словно лестница — над домом дом.
И крыша одного — есть двор другого...
А выше — там и скалы и леса.
Где б ни был я, куда б ни ездил снова,
Какие бы ни видел чудеса,
Прекраснее, чем ты, страна родная,
Другого края не встречал нигде.
Я воды пил твои и, воздух твой вдыхая,
Сил набирался и мужал в труде.
Страна балкарцев! Милый край лучистый!
Идешь прямым ты, правильным путем.
По этому пути вперед стремись ты —
И в селах будет счастлив каждый дом.

1955

ПУСТЬ СГИНЕТ СЛОВО „ВОЙНА“

Война народам не нужна —
Они за мир отныне.
Пусть слово страшное «война»
С земли навеки сгинет.

Следы войны еще свежи —
Враг новую готовит.
Злодею снятся барыши:
То — золото из крови.

Мы помним плач детей-сирот,
Оставшихся без крова,
И не хотим, чтобы на фронт
Нас провожали снова.

Хотим, чтоб в мире слово мир
Для всех законом стало,
Чтоб не гремел кровавый пир
Штыка, огня, металла.

Война народам не нужна —
Они за мир отныне.
Пусть слово страшное «война»
С земли навеки сгинет.

1955

ЛЕНИН

На заре Чолпан балкарцу светит —
Утренняя чистая звезда...
Мы, как все народы на планете,
Благодарны Ленину всегда.
Ленин добрых дел свершил немало,
Вдовам помогал и беднякам,
Легче жить балкарским детям стало,
Радостней трудиться стало нам.
Молниями ленинские речи
Долетели до высоких гор;
Он принес права нам человечьи,
Озарил грядущего простор.
У балкарцев горести иссякли,
Новой жизни каждый горец рад,
Ведь не даром в комнате — не в сакле —
Лампы Ильича теперь горят!

1955

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Памяти поэта Азрета Будаева

Жажда мести давно накипала во мне.
А сегодня достиг берегов я твоих.
Над обрывом глухим

от людей в стороне
Я стою.

Как и ты, я спокоен и тих.
Приходилось бывать мне у многих озер —
Те плескались, о чем-то своем говоря.
Ты ж немым остаешься лежать до сих пор.
Что таишь ты в себе?

А таишь ты не зря!
Ты не синее, озеро, — черное ты!
Разрывается сердце от горя в груди.
Ты полно, словно ад, неземной черноты.
Ты убийца.

К воде твоей не подходи.
Ты разверзло свою ненасытную пасть,
И погиб лучший друг мой,
веселый Азрет.

Нафисаты слеза может снова упасть,
Но мой друг никогда не поднимется, нет.
Я хочу, чтоб теперь
над прибрежной скалой
Мой Азрет был изваян из каменной глыбы,
Чтобы мог на тебя он смотреть,
как живой,
И смотреть на него мы могли бы.

1956

Магомед Ахметов

С Л О В О М А Т Е Р И

Ты слышишь, сынок мой, ты слышишь,
родной,

Тебя призывает сегодня страна.

И нету для горца дороги иной —

Пряма, благородна она.

Ты, сын мой единственный, —

радость и свет.

Растила тебя я, балкарская мать.

Сегодня другого напутствия нет —

Отечество счастья иди охранять.

Где б ни был ты, мальчик, —

в походе любом

Пусть будет с тобою победа всегда.

И в небе, сияющем и голубом,

И в море, где только вода и вода.

Спеши, собирайся скорее, сынок,

Тебя ожидают страны рубежи —

И запад, и север, и Дальний Восток —

Ты родине верой и правдой служи.

А если же трудности встретишь в пути,

То будь расторопным и твердым душой,

Чтоб опытный враг не сумел обойти —

Ни в маленьком деле, ни в схватке большой.
Ты слышишь, сынок, — это сердца
приказ, —

Иди, до ворот я тебя провожу.
А если соскучусь, присяду тотчас,
С любовью письмо напишу.

1941

И дальше, дальше песня полетела,
Вот на поляне возле табуна
Спустилась на траву густую смело
И пастуха узнала вдруг она.

То был Ахмат.

Он в жизни очень много
По солнечной Балкарии бродил.
А нынче на Тянь-Шаньских он отрогах
Растит коней и не жалеет сил.

Теперь вернись, вернись обратно, песня.
Но не забудь Тянь-Шаньские хребты.
О том, что там,
в большом краю чудесном,
Увидела — поведай людям ты.

1956

Ибрагим Маммеев

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Вот здесь, товарищ, за углом
В недавние года
Стоял высокий светлый дом
На берегу пруда.
Веселый дом, чудесный дом,
Отрада юных дней;
Мы в нем росли, учились в нем,
Встречали в нем друзей.
Зимой и летом всей душой
Стремилась мы сюда,
Здесь открывался нам большой,
Прекрасный мир труда.
Во все концы родной земли
Отсюда в добрый час
Пути широкие легли
Для каждого из нас.
Стоял высокий светлый дом...
Взгляни, товарищ мой:
Здесь только пыль, да ржавый лом,
Да камни под ногой.
Крапива разрослась кругом,
Проломлена стена;

Веселый дом, чудесный дом
Разрушила война.
Доска, проросшая травой,
Торчит из-под земли,
И кажется, что мы с тобой
На кладбище пришли.
Слетает лист навстречу мне,
Кружится за углом...
Но каждый камень в тишине
Мне шепчет о былом.
И постепенно, как живой,
На берегу крутом
Опять встает передо мной
Высокий светлый дом.
И вижу я просторный зал
В сиянии огней,
Где я, робея, танцевал
С подругою моею.
Я слышу издали звонок,
Зовущий к партам нас,
И входит старый педагог
В притихший сразу класс.
И свежей краскою опять
Пылает наш забор,
И в волейбол идут играть
Друзья на школьный двор.
А мы, как в тот далекий день,
В саду с тобой сидим,
И прижимается сирень
К скамейкам голубым...
Стоял высокий светлый дом.
Товарищ мой, пойми:

Мы жили в нем, учились в нем,
Здесь стали мы людьми, —
И вот свисают провода
На битое стекло,
И все до самого пруда
Бурьяном поросло.
Так будь же проклята, война,
Во все века и времена,
На самых разных языках,
Что знает человек,
На всех пяти материках —
Будь проклята вовек!
Ты превращала в тлен и прах
Земли весенней цвет,
Во всех домах, во всех сердцах
Живет твой черный след.
Мы помним пролитую кровь
И города в огне,
И угрожать планете вновь
Мы не дадим войне.
Как крепость мира, новый дом,
Мы здесь, товарищ, возведем!

КОМУ ЧТО ПРАВИТСЯ

В народе говорят недаром:
На вкус и цвет — согласья нет.
Один чудака за самоваром
Согласен просидеть сто лет;
Другой с ружьем наизготовку
На дупелей идет во тьму;
А третий плюнул на винтовку,
Но танцы — нравятся ему,
И каждый вечер неизменно
Торчит он в клубе за рекой...
А мне милее — запах сена
И цвет ромашки полевой.
Люблю я с острою косою
На заливных лугах,
В страду,
Идти широкой полосой
С односельчанами в ряду;
Скакать назад тропой знакомой,
Уздою сдерживая прыть,
И, осадив коня у дома,
Айраном жажду утолить.

КРАСАВИЦЕ

Красотою
Ты опьянена,
Но кого
Обрадует она,
Если на виду
У всех людей
Ты дрожишь
Над красотой своей?
На поля
Выходит молодежь —
Ты лицо
От ветра бережешь.
В летний зной
Манят к себе пруды —
Ты боишься
Солнца и воды.
Руки у тебя,
Как снег, белы,
Но они
Не тронут и иглы.
Красота...
А ведомо ль тебе,
Что она рождается в борьбе?
Если бы,
Работы не боясь,
Ты за дело доброе взялась,
Ни одна бы девушка с тобой
Не смогла
Сравниться красотой.

Но проходят лучшие года
Без любви, заботы и труда.
Говорят, что ты красива...
Нет;
Не зови красивым
Пустоцвет!

НЕ ПОТЕРЯЙ ДВОИХ

Когда луга цветут ковром сплошным,
Ты говоришь: «Мы осенью решим».
Когда спадает августовский зной,
Ты говоришь: «Мы всё решим весной».
Но хитрость эту понял я сейчас:
Еще один с тебя не сводит глаз,
Еще один цветы несет к окну

И ждет, как я, то осень, то весну.
Но не гордись, что красотой своей
Ты покорила сразу двух парней,

И не дурачь по очереди их:
Ты можешь вскоре потерять двоих.

ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ

Горячим пламенем любви
Ожгли меня, огонь тая,
Глаза твои, слова твои,
Улыбка светлая твоя.
И пусть я сил не сохраню,
Изнемогая от огня, —
Я рад ему, я рад огню,
Испепелившему меня!

МЫ БАЛКАРЦЫ

Мы балкарцы,
Дети гор,
Ищем туров по утесам,
Средь теснин даем простор
По росе звенящим косам.
Мы балкарцы,
Дети гор,
Водим скот пастись по кручам,
Жеребца во весь опор
Рядом с бездной мчатся учим.

Мы балкарцы,
Дети гор,
В их объятьях вырастали,
Как с родными, в разговор
С ними сызмала вступали.

Мы балкарцы,
Дети гор,
Добываем в них богатство,
Влиты в дружное, как хор,
Стран счастливейшее братство.

Мы балкарцы,
Дети гор,
Впитан дух орлиный нами.
Враг лишь вылезет из нор,
Сразу кинемся орлами.

1956

ГОРНАЯ РЕКА

От камня к камню мчатся века,
С горы, в безудержном пылу,
Сбегают горная река
И лижет желтую скалу.

Такой мне кажется всегда
Река, родней которой нет.
Моим питьем ее вода
Была с рождения на свет.

Мы все детьми купались в ней,
Учились плавать и нырять
И, как объятьям матерей,
Себя волнам ее вверять.

В бою израненный, без сил,
Я вспоминал родной поток.
Я знал: меня бы исцелил
Его воды один глоток.

Тоскуя в дальней стороне,
Мечтами к дому я летел.
Нагнувшись с берега к волне,
Вкус ощутить ее хотел.

Но вот я снова с ней, с живой,
Что лижет камни без конца,
Бурлит кипучей синевой
И нежит ласкою сердца!

1956

ЧАБАН

Даль затянуло пеленой,
Не видны горные вершины.
Клубясь, спускается седой
Туман в зеленые лощины.

Всем чабанам такие дни
В сто крат заботы прибавляют.
В тумане от волков они
Отары зорче охраняют.

Но есть друзья у чабана —
Лохбай, Гостай — овчарки злые.
Им волчья стая не страшна,
Овец стеречь им не впервые.

И наш чабан всегда поет,
Летит по склонам песня звонко.
Едва заслыша голос тот,
Все волки прячутся в сторонку.

Чабан работой увлечен,
Следя за каждою овцою,
На пастбище спокойно он
Ведет отары чередою.

Колхоз гордится чабаном.
Он лучше всех поет, танцует...
Грустят красавицы по нем,
Одна к другой его ревнует.

СТАНЦЕВАТЬ БЫ С НЕЙ НА СВАДЬБЕ

Черноброва она, молода.
Кто же девушку эту не знает?
На груди Золотая Звезда
У красавицы ярко сверкает.

Как чинара, тонка и стройна,
А глаза — на озера похожи.
Лишь на улицу выйдет она —
Всех ребят красотой растревожит.

Ей любая одежда под стать,
Но какой бы наряд ни надела, —
Коль работать начнет — не догнать,
Так спорится в руках ее дело.

Лучше девушки ты не найдешь,
Хоть пройди все окрестные села...
И мечтает у нас молодежь
Станцевать с ней на свадьбе веселой.

Исса Боташев

ТВОЯ ГАРМОНЬ ПРИНОСИТ РАДОСТЬ

Билялу Казиеву

Она недаром за сердце берет,
Гармонь твоя с потертыми мехами:
В ней слышится
и шум весенних вод,
И шум орлиных крыльев над горами.

И не считаешь ты большим трудом
Зайти туда,
где до рассвета — танцы.
Поет гармонь об этом и о том,
И по ладам
легко летают пальцы...

Поет гармонь!..
Куда лады зовут?
В них столько и наивности, и ласки!
И девушки,
что лебеди,
плывут,
И юноши несутся в бурной пляске.

И важные седые старики
Под эти звуки вспоминают юность,
Как будто впрямь,
природе вопреки,
Она на миг, далекая, вернулась.

Поет гармонь!
И в сердце странный жар,
И хочется во всем признаться милой.
Ах, сколько молодых, влюбленных пар
Твоя гармонь навек соединила!

В беду
и в радость
песня хороша!
И потому тебя, дружище, любим,
Что ведь гармонь — открытая душа,
Понятная,
доверчивая к людям.

1956

СЫНУ ДРУГА

Поздравить хочу
Открыто и звонко.
Тебя, годовалого сорванца,
За то, что похожи твои глазенки
На озорные глаза отца,
За то, что рожден ты
Под светлым небом,
За то, что счастье цветет кругом,
За то, что горечи жизни не пил
С материнским ты молоком.
Желаю тебе подрасти
И взглядеться
В мир, который нас принял, любя:
Пусть слезинки-росинки детства
Будут единственными у тебя.
Смелее расти,
Бушуй, как речка,
Пускайся в дерзкий полет мечты —
Пусть, ныне крохотное, сердечко
Будет отцовской полно чистоты.
Живи, не требуя лестной награды,
Трудись, борись,
Гори до конца...
И если надо — умри, как надо,
Отчизну люби
И помни отца!

Ахия Ахматов

НА ОХОТЕ

Уже за перевалами
Пропали журавли,
Уже медведи грузные
В берлогах залегли,

Уже искристым инеем
Осыпан клен с утра
И над ущельем буйствуют
Холодные ветра.

А старому охотнику
С двустволкой за плечом
Как будто горы снежные
И годы — нипочем,

Как будто мало хожено
И тропы не круты,
Как будто сердце юноши
Колотится в груди.

Он знает речки горные
С водою ледяной,

Он знает: туры гордые
Бредут над крутизной.

Он выследит, он высмотрит, —
Еще у старика
Глаза орлиной зоркости
И твердая рука.

...А вот он, в небо врезанный,
Властитель горных троп.
Но ищет мушка черная
Его косматый лоб.

Он не услышит выстрела,
Не вспомнит говор рек, —
Он ткнется теплой мордою
В сухой, колючий снег.

И вздрогнут, эхом тронуты,
Громады гор на миг,
И папиросу вытащит
Седеющий старик...

Да, стоят все скитания
С утра и до утра
Удачливого выстрела,
Ночлега у костра!

1955

Манзиля Зумакулова

МАТЕРИ-ГОРЯНКЕ

*М*ать моя! Меня ты родила
В сакле, что была темней конюшни.
Небеса, сожженные дотла,
Вниз глядели, камня равнодушной.

Летом — беспощадный, злобный зной,
А зимою — снег сухой да ветер.
В сакле — вечный сумрак гробовой,
Будто света нет на белом свете.

Ты боялась дверку отворять:
Петли ржавые держались еле.
Новые купить — где денег взять?
Деньги — редкий гость у нас в ущелье.

Замерзала в казане вода.
Зимний ветер буйствовал снаружи.
Снег в трубу валился — и тогда
Гас огонь.
Дрожала ты от стужи.

Не в чем и пеленки постирать,
Не на чем сушить их — наказанье!

И на дочь глядела молча мать
Глубоко запавшими глазами,

И брала меня одной рукой,
Коромысло подхватив другою,
На Баксан спускалась за водой
Скользкой, каменистой тропею.

Ветер бил в глаза — редела я.
Ведро грузные

давили плечи,
Ты шагала в сторону жилья,
Ты шептала ласковые речи,

И одолевали вой метели
Те слова заботы и любви,
И морозным инеем блестели
Молодые волосы твои...

Ты платок из шерсти мне вязала,
Чтоб не замерзала я в мороз;
Улыбалась дочери устало
И роняла на пол льдинки слез.

Помню вкус твоей слезы соленой,
Помню колыбельную пурги,
Голых гор заснеженные склоны,
Ветра вороватые шаги...

В сенокос в луга меня брала ты,
Сено убирала день-деньской,
И бросал тебе сосед богатый
Вместо платы лишь чурек сухой...

Возвращаясь со страды рабочей,
За работу снова ты бралась.
Шерсть пряла ты до глубокой ночи,
Не смыкая воспаленных глаз.

Тонкая сосновая лучина
С треском догорала на столе.
Темная, привычная кручина
Подступала к матери во мгле.

А вдали неумолимо четко,
За глухою изгородью скал,
Прерывая отдых твой короткий,
Новый страдный день, дымясь, вставал.

И смотрел Эльбрус седоголовый,
Погруженный в утренний покой,
Как плелась ты на работу снова
С маленькою дочкой за спиной.

О Эльбрус, гора моя родная!
Ты — свидетель бед и нищеты.
Ты бы рад помочь народу, знаю, —
Но бессилен был тогда и ты.

О минувшем расскажи сегодня
Ты счастливым горцам молодым!
Нынче выше голову ты поднял,
Тучи разлетелись, словно дым.

Мама чем-то на тебя похожа:
Много лет ей,

Голова седа,
Но душа ее теперь моложе,
Чем в жестокой юности года,

И она как будто стала выше,
Смело и уверенно глядит.
В новом доме под высокой крышей
Каждый внук ее одет и сыт.

Над золой остывшею склоняясь,
Мать с тоской не смотрит на очаг.
Юный город, светлый Тырнауз
Из аула вырос на глазах.

Да, бывшее черное сгорело
Лишь зола напомнит нам о нем.
Новое в аулы вторглось смело —
Очаги горят его огнем.

1956

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ**

К Я З И М М Е Ч И Е В

Основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев родился в 1859 году в ауле Шики в семье крестьянина-скотовода. В детстве работал в хозяйстве отца, учился у муллы арабской грамоте. Отец Кязима хотел, чтобы сын стал муллой. Но у Кязима была большая тяга к познанию мира, к творчеству. Он совершил два путешествия в арабские страны. По возвращении на родину стал работать в кузнице и оставался сельским кузнецом десятки лет.

Чуткий к народному горю, Кязим видел бесправную жизнь тружеников, жестокую эксплуатацию трудовых горцев со стороны таубиев и баев. Свой протест против произвола богатых он выражает в талантливых стихах и поэмах. Особенно популярной в народе была его поэма «Жалоба горянки». Произведения поэта приобрели силу народных песен и пословиц.

Кязим горячо приветствовал Октябрьскую революцию; в числе красных партизан был его старший сын, отдавший свою жизнь за советскую власть.

В 1918 году по просьбе С. М. Кирова Кязим написал песню о славном герое гражданской войны на Северном Кавказе Солтан-Хамиде Калабекове, павшем в бою, защищая своей грудью Кирова от белогвардейской пули. Эта песня до сих пор любима народом. Стихотворения «Ленин», «Правда»,

«Труженик» и многие другие давно вошли в школьные хрестоматии. В 1940 году была издана книга стихов Кязима «Мое слово». Многие стихи поэта переведены на русский язык.

В 1938 году Кязим был принят в члены Союза писателей СССР.

Народный балкарский поэт Кязим Мечиев умер в 1945 году.

САГИД ШАХМУРЗАЕВ

Старейший балкарский поэт Сагид Османович Шахмурзаев родился в 1886 году в ауле Верхний Чегем в семье крестьянина-середняка. Литературной деятельностью занимается с 1916 года.

Сагид Шахмурзаев был в числе первых просветителей балкарского народа: он писал не только литературно-художественные произведения, но и составлял балкарские учебники для школ. Талантливые стихи и песни Шахмурзаева «Ленин», «Сотни лет мы боролись», написанные в 1924—1925 годах, стали популярными среди балкарского народа и распевались во всех аулах.

В 1957 году вышел однотомник сочинений С. О. Шахмурзаева.

За свою просветительскую и литературную деятельность поэт награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

САИД ОТАРОВ

Саид Аубекирович Отаров родился в 1903 году в селении Нижний Баксан. В 1927 году окончил Совпартшколу в Нальчике, с 1932 по 1933 год учился в аспирантуре Владикавказского пединститута. С 1920 по 1935 год С. Отаров был на педагогической работе. Литературной работой занимается с 1924 года. С. Отаров печатался в сборниках, литературно-художественных альманахах — «Новая сила», «На пути новой жизни» (1931), «Слово брата» (1957). Лучшие произведения С. Отарова вошли в школьные хрестоматии. Талантливый поэт и просветитель, С. Отаров создал ряд высокохудожественных поэтических произведений для детей.

АХМАДИЯ УЛЬБАШЕВ

Ахмадия Мусаевич Ульбашев родился в 1905 году в селении Верхняя Балкария. Учился в сельской школе. С 1926 по 1930 год учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. По окончании университета до 1935 года работал преподавателем в Ленинском учебном городке Нальчика. В настоящее время Ахмадия Ульбашев готовит книгу своих избранных произведений.

БЕРТ ГУРТУЕВ

Берт Измайлович Гуртуев родился в 1910 году в селении Белая Речка в семье крестьянина-бедняка. Оставшись круглым сиротой, Гуртуев испытал тяжелую долю подростка-батрака. Окончив в 1931 году педагогический техникум, Гуртуев работал в школе и в органах народного просвещения.

Первый балкарский поэтический сборник «На пути новой жизни» (1931) вышел при активном участии Гуртуева. Берт Гуртуев член Союза писателей с 1934 года, участник I съезда советских писателей. В 1934 году вышла его книга — сборник песен и стихов «Красные голоса». Гуртуев написал ряд популярных в народе песен: «Песня о Кирове», «Колхозная», «Пастушья» и др. В одном из сборников была напечатана его повесть «Бекир». Берт Гуртуев — член КПСС, участник Великой Отечественной войны; он награжден орденом «Знак почета», медалями «За доблестный труд», «За победу над Германией».

В последнее время Гуртуев работает над новой книгой стихов.

КЕРИМ ОТАРОВ

Керим Сарамурзаевич Отаров родился в 1912 году в селении Нижний Баксан. Учился в сельской школе, окончил педагогический техникум в Нальчике (1934 г.), работал преподавателем. Литературной работой занимается с 1930 года. Керим Отаров является одним из ведущих поэтов Балкарии. Первая книга его стихов вышла в 1938 году, книга рассказов — в 1941 году.

В 1956 году Отаров выпустил книгу стихов и поэм «Дороги». Он перевел ряд произведений Пушкина и Лермонтова и других русских писателей на балкарский язык. Его талантливые произведения (поэма «Партизанские могилы», «Октябрьская поэма», «Мой современник» и др.) прочно вошли в фонд балкарской литературы.

Керим Отаров член КПСС, член Союза писателей с 1936 года, участник Великой Отечественной войны.

ОМАР ЭТЕЗОВ

Широкой популярностью в Балкарии пользуется поэт Омар Мимболатович Этезов. Он родился в 1913 году в селении Нижний Баксан.

Этезов член Союза писателей с 1940 года. Стихи Этезова напечатаны в сборнике «Слово брата» (1957). В журнале «Дон» опубликована повесть Этезова «Камни помнят» (1957); повесть получила хорошую оценку читателей.

АЗРЕТ БУДАЕВ

Поэт Азрет Кичибатырович Будаев родился в 1915 году в селении Верхний Баксан, в семье крестьянина-бедняка. По окончании средней школы долгое время работал в печати, впоследствии был выдвинут на партийную работу. В период Отечественной войны Азрет Будаев работал первым секретарем райкома КПСС. Писать начал в 1930 году. В 1935 году был издан сборник «Стихи и песни», в 1938 году сборник стихов и поэм «Моя Родина», а в 1941 году поэма «В прошлом».

Азрет Будаев принимал активное участие в развитии балкарской советской поэзии. Стихи Будаева печатались в поэтических сборниках и в периодической печати. Будаев был членом Союза писателей СССР.

Азрет Будаев сражался в рядах советских партизан против немецко-фашистских оккупантов. Он погиб смертью храбрых в 1941 году.

ХАБИБ (ХАБУ КАЦИЕВ)

Хабу Хаджи-Курманович Кациев родился в 1916 году в селении Гунделен. В 1936 году окончил педагогический техникум в Нальчике; позже — Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Находился на руководящей партийной и газетной работе. В 1935 году Кациев выпустил сборник стихов «Сердечная радость», в 1940 году — сборник рассказов «Звезды земли».

Хабу Кациев член КПСС, член Союза писателей СССР с 1937 года. В настоящее время работает редактором балкарской газеты «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму»).

МАКСИМ ГЕТТУЕВ

Максим Измайлович Геттуев родился в 1916 году в селении Гунделен, в семье крестьянина-бедняка. Окончил заочно Ленинадский педагогический институт. С 1936 года работает в печати. В настоящее время — заведующий отделом пропаганды республиканской газеты «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму»).

Геттуев участник Великой Отечественной войны, член КПСС.

Стихи Геттуева печатались в сборниках балкарской поэзии — «Счастливое поколение», «Наше слово», «Слово брата» и в литературном альманахе «Дружба».

М. Геттуев перевел на балкарский язык ряд произведений Лермонтова, Маяковского, кабардинского поэта Али Шогенцукова и других.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Талантливейший балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев родился в 1917 году в селении Нижний Чегем. Литературной деятельностью занимается с 1934 года. Первая книга его стихов «Привет, утро!» вышла в 1940 году. В 1956 году Кайсын Кулиев выпустил книгу стихов «В доме друга». В 1957 году вышли его сборники — «Горы» (в издательстве «Советский писатель») и «Хлеб и роза» (в издательстве «Молодая гвардия»).

Произведения Кайсына Кулиева известны и за пределами Кабардино-Балкарии, лучшие из них переведены на иностранные языки.

За свою плодотворную литературную деятельность Кулиев награжден орденом Трудового Красного Знамени. За активное участие в Великой Отечественной войне поэт награжден орденом Отечественной войны II степени.

Кайсын Кулиев депутат Верховного Совета СССР, член КПСС, член Союза писателей СССР с 1938 года.

ЖАНАКАИТ ЗАЛИХАНОВ

Жанаканит Жанусович Залиханов родился в 1917 году в селении Гунделен. В 1936 году окончил рабфак, а затем заочное отделение Киргизского педагогического института. Работал в партийных органах и в издательствах.

Литературным творчеством занимается с 1935 года, печатается в газетах, в сборниках балкарской поэзии. В 1938 году вышла книга его стихов «Мой голос». Печатается во многих русских и балкарских изданиях. Ж. Залиханов является одним из талантливых поэтов Балкарии, лучшие его стихи и рассказы вошли в школьные хрестоматии.

В 1957 году он издал второй сборник стихов «Любимая родина», написал повесть «Байкул», пьесу «Сюлемен».

Жанаканит Залиханов член КПСС, член Союза писателей СССР с 1938 года.

САФАР МАКИТОВ

Сафар Исхакович Макитов родился в 1917 году в селении Гунделен, в семье крестьянина-бедняка. Окончил педагогический техникум и заочное отделение Киргизского госпединститута. Литературной работой занимается с 1934 года. Работал в партийных и советских органах, член КПСС с 1938 года. В 1938 году издана его книга стихов «Я пою». Стихи Макитова печатались в поэтических сборниках «Знамя нашей жизни» (1956), «Слово брата» (1957) и др., на страницах периодической печати.

С. Макитов перевел на балкарский язык стихи М. Лермонтова, Коста Хетагурова, Сулеймана Стальского, Т. Шевченко.

В данное время Макитов работает над повестью о легендарном герое гражданской войны Солтан-Хамиде Калабекове.

ИБРАГИМ МАММЕЕВ

Ибрагим Шакманович Маммеев родился в 1920 году в селении Гунделен. Писать начал в 1937 году. Впервые его стихи были опубликованы в сборнике «Молодые голоса» (1940). Стихи Маммеева напечатаны в сборниках «Знамя нашей жизни» (1956) и «Слово брата» (1957).

И. Маммеев член Союза писателей с 1939 года.

ИССА БОТАШЕВ

Исса Боташев родился в 1925 году в селении Гунделен. Окончил среднюю школу. Еще будучи учащимся старших классов, начал интересоваться литературной работой, печатал стихи в газетах. Систематически творческой работой стал заниматься с 1954 года. В сборник балкарской советской поэзии «Знамя нашей жизни» (1956) вошло много стихов молодого поэта. В 1957 году Исса Боташев выпустил сборник стихов и поэм «Пою от сердца» и написал пьесу «Рассвет в горах» — о гражданской войне на Северном Кавказе.

АХИЯ АХМАТОВ

Ахия Кайсынович Ахматов родился в 1927 году в селении Былым. Стихи Ахматова печатаются с 1956 года в сборниках балкарской поэзии «Знамя нашей жизни» (1956), «Слово брата» (1957), а также на страницах периодической печати.

ТАНЗИЛЯ ЗУМАКУЛОВА

Танзиле Зумакуловой, одной из первых девушек-горянок, обратившихся к литературному творчеству, — двадцать три года. Детство ее прошло в ауле Гирхожан в Баксанском

ушелье. Ныне там вырос город рудокопов и металлургов — Тырнауз.

Наиболее ярко и самобытно дарование молодой балкарской поэтессы проявилось в стихах «Матери-горянке», «Октябрь», «Родной Нальчик», «Песня джигита».

Вместе со своими товарищами по перу Танзиля Зумакулова выступала в сборниках балкарской поэзии: «Наше слово», «Споём вместе» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

КЯЗИМ МЕЧИЕВ

Жалоба горянки. Перевел Н. Коржавин	3
Верные приметы. Перевел Н. Коржавин	6
Хорошее слово. Перевел Н. Коржавин	7
1914 год. Перевел Н. Коржавин	9
Песня о Солтан-Хамиде. Перевел Н. Коржавин	11
Сыну. Перевел Н. Коржавин	13
Слово о Ленине. Перевел Н. Коржавин	15
Танцорам. Перевел Н. Коржавин	18
Смерть придет. Перевел Н. Коржавин	20
Молодому поэту. Перевел Н. Коржавин	21
Кайсыну Кулиеву. Перевел Н. Коржавин	23

САГИД ШАХМУРЗАЕВ

Слово солдата. Перевел С. Виленский	24
О горы мои, незабвенные горы... Перевел С. Виленский	26
Минги-Тау. Перевел Ф. Фоломин	29
Старый Болат. Перевел Ф. Фоломин	33

САИД ОТАРОВ

Дождик. Перевел В. Щепотев	38
Кто из животных красивей? Перевел В. Щепотев	40
На лугу. Перевел В. Щепотев	43
Солнышко. Перевел В. Щепотев	45
Спор пчелы с орлом. Перевел В. Щепотев	47
Ребята. Перевел В. Щепотев	50
Горная река. Перевел В. Щепотев	53
Родина. Перевел Ф. Фоломин	56

АХМАДИЯ УЛЬБАШЕВ

Охотник. Перевел С. Виленский	57
---	----

БЕРТ ГУРТУЕВ

Почтальон. Перевел М. Шехтер	59
Надпись на скале. Перевел Е. Яшкин	62
Песня. Перевел Д. Голубков	64
Горная река. Перевел С. Виленский	65
Ясное утро. Перевел Ю. Валич	67
Завет старика. Перевел М. Шехтер	69

БЕРИМ ОТАРОВ

Ласточка вьет гнездо. Перевел Д. Голубков	72
В госпитале. Перевел С. Виленский	74
Глаза любимых, дружеские руки. . . Перевел С. Виленский	76
Твоя жизнь. Перевел Н. Коржавин	78
Россия. Перевел Д. Голубков	80
Украине. Перевел С. Виленский	82
Майор. Перевел С. Виленский	84
Красные скалы. Перевел Н. Коржавин	86
Мой современник. Перевел Е. Елисеев	88

Проснись, моя дочка! Перевел Ю. Валич	90
Воспоминание о детстве. Перевел Д. Голубков	91
Дальние дороги. Перевел С. Виленский	95

ОМАР ЭТЕЗОВ

Мальчик из Сакашиля. Перевел С. Виленский	96
Горный цветок. Перевел Б. Лейтин	99
Поэту. Перевел С. Виленский	101
Кавказские горы. Перевел С. Виленский	102
Черные очи. Перевел С. Виленский	104
Зари. Перевел С. Виленский	105
Поэт-боец. Перевел С. Виленский	108
У твоего окна. Перевел С. Виленский	110
Куртлу Омар. Перевел С. Виленский	112
Мир победит. Перевел С. Виленский	117

АЗРЕТ БУДАЕВ

Телефон. Перевел С. Виленский	119
Победили — вы. Перевел С. Виленский	121
Встреча с зимой. Перевел Ф. Фоломин	123

ХАБИБ

Баксанстрой. Перевел Б. Лейтин	125
Долорес. Перевел Б. Лейтин	127
Серго. Перевел Б. Лейтин	128
Лентяй. Перевел Б. Лейтин	130
Раузат. Перевел Б. Лейтин	131
Лунный свет. Перевел Б. Лейтин	132

МАКСИМ ГЕТТУЕВ

Героям Бзы. Перевел С. Виленский	133
Памяти Сулеймана Стальского. Перевел С. Виленский	135
У памятника Лермонтову. Перевел С. Виленский	136

КАЙСЫН КУЛНОВ

Привет, утро! Перевел Д. Голубков	137
Песенка горной речушки. Перевел Е. Елисеев	139
Горная баллада. Перевел Н. Коржавин	141
Учитель Борис Игнатьевич. Перевел Е. Елисеев	145
Над старой книгой горских песен. Перевел Н. Тихонов	147
Разговор с дождем. Перевел Н. Тихонов	150
На гроздьях винограда пала снова... Перевел Д. Голубков	153
Родной язык. Перевел Н. Тихонов	154
Тень орла. Перевел Н. Тихонов	155
Хлеб и роза. Перевел Д. Голубков	156
Рассвет. Перевел Д. Голубков	157
С малолетства дороги мне те... Перевел Д. Голубков	159
Огонь очага. Перевел Н. Коржавин	160

ЖАНАКАИТ ЗАЛИХАНОВ

Не умер, не умрет Ленин. Перевел Ю. Валич	162
Лось. Перевел М. Сандомирский	164
В годы войны. Перевел Ю. Валич	165
Ни дня, ни ночи не зная... Перевел Ю. Валич	166
Тоскую о тебе. Перевел Ю. Валич	167
Реки прозрачны, рощи густы... Перевел Ю. Валич	169
Годы шли чередою... Перевел Ю. Валич	170
Правдивые слова. Перевел Ю. Валич	171
Тебе. Перевел Ю. Валич	172
Наша поляна. Перевел Ю. Валич	173
Лунный свет. Перевел Ю. Валич	174
Мои любимые горы. Перевел Ю. Валич	175
В гостях у Эльбруса. Перевел Д. Голубков	177
Мы братья. Перевел Ю. Валич	178

САФАР МАКИТОВ

Октябрь. Перевел Д. Смирнов	179
Письмо. Перевел М. Шехтер	181
Разбитая чаша. Перевел Д. Смирнов	182
Моя песня. Перевел Д. Смирнов	183
Ваши имена не забудутся! Перевел Д. Смирнов	184
Мать. Перевел Д. Смирнов	185
Детство. Перевел Д. Смирнов	186
Балкария. Перевел Д. Смирнов	188
Пусть сгинет слово «война». Перевел Д. Смирнов	190
Ленин. Перевел М. Шехтер	191
Голубое озеро. Перевел Д. Смирнов	192

МАГОМЕТ АХМЕТОВ

Слово матери. Перевел Д. Смирнов	193
Моя летучая песня. Перевел Д. Смирнов	195

ИБРАГИМ МАММЕВ

Следы войны. Перевел С. Виленский	197
Кому что нравится. Перевел С. Виленский	200
Красавице. Перевел С. Виленский	201
Не потеряй двоих. Перевел С. Виленский	203
До глубины души. Перевел С. Виленский	204
Мы балкарцы. Перевел А. Шестаков	205
Горная река. Перевел А. Шестаков	206
Чабан. Перевел А. Кафанов	207
Станцевать бы с ней на свадьбе. Перевел А. Кафанов	208

ИССА БОТАШЕВ

Твоя гармонь приносит радость. Перевел Ю. Полухин	209
Сыну друга. Перевел Б. Гайкович	211

АХИЯ АХМАТОВ

На охоте. Перевел Ю. Полухин 212

ТАНЗИЛЯ ЗУМАКУЛОВА

Матери-горянке. Перевел Д. Голубков 214

Биографические сведения об авторах 219

Сборник
ПОЭТЫ БАЛКАРИИ

Редактор *Д. Н. Голубков*

Художник *Л. Д. Беляков*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Г. Г. Папандопуло*

Сдано в набор 29/III 1958 г. Подписано к печати 12/VI 1958 г. А 05220. Бумага 70×108^{1/32}. Печ. л. 7^{3/8} (10,10). Уч.-изд. л. 6,78. Тираж 5000 экз. Заказ № 356.
Цена 4 руб.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3